

79-81 175-5.1
1
ВОЕННЫЙ 802-18
894

СБОРНИКЪ

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

№ 8

АВГУСТЪ

1873

почти указываютъ намъ, какой политики намъ слѣдуетъ держаться. Большая Гиндукушская цѣпь тянется съ востока на западъ, недалеко за нашими индѣйскими владѣніями, и составляетъ истинную грань между нами и Среднею Азією. Въ же горы, о которыхъ мы сейчасъ говорили, ни что иное, какъ южные отроги этой природной преграды изъ вѣчныхъ снѣговъ, такъ что народы Бонѣра, Суата, Баджура и проч., даже самого Афганистана, суть наши природные союзники и охранители настоящей нашей оборонительной линіи. Если мы захотимъ исправить нашу пылкую границу завоеваніями, то это поведетъ только къ безконечной и утомительной войнѣ въ непроходимой странѣ, тогда какъ искусною и послѣдовательною политикою мы могли бы заручиться не только всеми выгодами сильной границы, но и храбрыми защитниками. Опытъ, приобретенный въ послѣднюю персидскую войну въ 1856—1857 годахъ, доказываетъ, что это не пустая фантазія. Въ то время персидскій шахъ владѣлъ Гератомъ, и, желая прогнать его отсюда, мы заключили договоръ съ Достъ-Мохамедомъ, давали ему до 10,000 ф. стерл. субсидіи ежемесячно, пока продолжалась война, дали ему много тысячъ ружей — и добились своей цѣли. Если такимъ простымъ средствомъ, какъ выдача временной субсидіи, въ критическую минуту, можно было купить поддержку такого правителя, который по прежнимъ опытамъ едва ли могъ относиться къ намъ дружелюбно, то какъ не надѣяться, что послѣдовательнымъ, примирительнымъ образомъ дѣйствій, мы достигнемъ гораздо болѣе удовлетворительныхъ результатовъ, чѣмъ нескончаемыми экспедиціями, вызываемыми нынѣ для сохраненія кое-какого спокойствія на нашей границѣ.

Если взглянуть еще далѣе на сѣверъ, то нельзя не замѣтить быстрого, неуклоннаго движенія Россіи въ Среднюю Азію. Русскіе пароходы ходятъ по Каспійскому и Аральскому морямъ; вдоль Сыр-дарьи уже давно настроены русскія крѣпости. Теперь мы слышимъ о движеніи къ Кокану и о сраженіяхъ въ Бухарѣ (*). Результатомъ всего этого неизбежно будетъ принятіе линіи Аму-дарьи границею. Тогда одинъ Афганистанъ будетъ отдѣлять насъ отъ Россіи въ Средней Азіи. Можетъ быть и правда, что соседство съ большою державою во многихъ отношеніяхъ выгодно для насъ, нежели сомнительная дружба дикихъ азіатскихъ ордъ; но въ такомъ случаѣ необходимо будетъ установить надежную границу.

М. Н. Анненковъ.

(*) Сочиненіе г. Эдай относится къ 1867 году.

Ред.

ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ ХИВУ ВЪ 1873 ГОДУ.

ОТЪ ДЖИЗАКА ДО ХИВЫ.

(Погодный дневникъ).

Съ 3-го марта по 20-е апрѣля. По возвращеніи генераль-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана въ Ташкентъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1873 года, я былъ отчисленъ отъ командованія 10-мъ Туркестанскимъ линейнымъ баталіономъ и назначенъ въ распоряженіе командующаго войсками Туркестанскаго округа, почему и выступилъ въ походъ, вмѣстѣ съ главною квартирою, 3-го марта, изъ Ташкента, гдѣ генералъ Кауфманъ оставался еще на нѣсколько дней.

Войска, назначенныя въ походъ изъ Ташкента, выступали по-ешедно въ составѣ четырехъ колоній, начиная съ 1-го марта и на рѣкѣ Клы, близъ Джизака, должны были соединиться и ожидать прибытія главнаго начальника округа, который принялъ уже званіе командующаго войсками, дѣйствующихъ противъ Хивы (*).

По прибытіи командующаго войсками на р. Клы, 11-го марта, погода стояла очень теплая; но 12-го числа утромъ сдѣлалось пасмурно, началъ кропить маленький дождь, потомъ усилился и сталъ лить день и ночь при порывистомъ холодномъ вѣтрѣ.

Въ ночь, съ 12-го на 13-е марта, меня потребовалъ къ себѣ начальникъ полевого штаба и объявилъ мнѣ приказаніе командующаго войсками принять начальство надъ первымъ эшелономъ, съ которымъ и выступить въ пять часовъ утра къ урочищу Нурекъ, въ разстоя-

(*) Генераль-маіоръ Головачевъ назначенъ начальникомъ Туркестанскаго отряда; генераль-маіоръ Троцкий — начальникомъ полевого штаба; генераль-маіоръ Жариновъ — начальникомъ артилеріи; полковникъ Шайверъ — начальникомъ инженеровъ; генералы: Пистолькорсъ и Бардовскій — состоящими при командующемъ войсками.

ни верст 30 или 35 отъ позиции на р. Клы. Остальные эшелоны должны были слѣдовать за мною одинъ за другимъ, въ разстояніи одного перехода; при второмъ эшелонѣ слѣдовали: вся главная квартира, командующій войсками, Князь Евгений Максимилановичъ Лейхтенбергскій и начальникъ отряда генералъ майоръ Головачевъ.

Въ составъ эшелона, находившагося подъ моимъ начальствомъ, вошли: одна рота туркестанскихъ саперовъ, двѣ стрѣлковыя роты 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, четыре орудія конной батареи подполковника Перелыгина, одинъ ракетный дивизионъ, одна сотня уральскихъ казаковъ и 635 верблюдовъ, составлявшихъ обозъ перваго эшелона. При эшелонѣ назначенъ состоятъ генеральнаго штаба подполковникъ баронъ Аминовъ. Кромѣ того, въ распоряженіе мое поступило восемь джигитовъ или проводниковъ туземцевъ.

Получивъ словесное приказаніе отъ начальника полевого штаба поздно вечеромъ, въ темную ночь, когда дождь продолжалъ моросить, и имѣя въ виду выступить въ пять часовъ утра, я крайне былъ затрудненъ отданіемъ приказаній въ части, которыя мнѣ вовсе не были извѣстны и къ тому же, не имѣя ни канцеляріи, ни адъютанта, я вынужденъ былъ сверочно написать приказъ по первому эшелону о назначеніи меня начальникомъ, о сборномъ пунктѣ всѣхъ частей и о выступленіи эшелона въ пять часовъ утра. Мое затрудненіе усугубилось еще болѣе тѣмъ, что, не имѣя при себѣ ни ординарца, ни казаковъ, я долженъ былъ, въ дождливую и темную ночь, по нѣсколько разъ ходить къ начальнику штаба, за полученіемъ необходимыхъ, по моему назначенію, инструкцій и прочихъ бумагъ; отыскивать начальниковъ частей, вошедшихъ въ составъ начальствующаго мною эшелона и, такимъ образомъ, измокшій и усталый, я почти до разсвѣта провелъ ночь въ распоряженіяхъ.

По моему приказанію, въ четыре часа утра, 13-го марта, стали выводить 635 верблюдовъ, составившихъ обозъ. Дождь не переставалъ моросить, что крайне затрудняло навѣиваніе, тѣмъ болѣе, что люди наши не были привычны къ такого рода обозу, а нѣзъ туземныхъ жителей назначено было по одному лаучу на каждые семь верблюдовъ.

Предстоявшій намъ походъ отмѣченъ былъ небывалою особенностью, именно той, что войскамъ, слѣдовавшимъ въ Хиву, отстоящую на тысячу верстъ, по голоднымъ, безводнымъ и песчанымъ степямъ, не имѣющимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ дорогъ, пришлось имѣть съ собою запасы всякаго довольствія до самой Хивы, какъ для себя, такъ и для животныхъ въ провантѣ, фуражѣ и проч.; необходимо

было даже имѣть воду для безводныхъ переходовъ, быть можетъ, приотрающихся до ста верстъ.

Не взирая на дурную погоду, на дождь, сыякость и сильный, холодный вѣтеръ, командующій войсками генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, былъ уже на ногахъ въ четыре часа утра и обходилъ спящій лагерь, а поднявшіеся части перваго эшелона торопили къ послѣдней выючкѣ и выступленію. Къ пяти часамъ верблюды начали вытягиваться къ сборному мѣсту, а саперная рота, двѣ стрѣлковыя роты, конные дивизионы, артиллерійскій и ракетный, и уральская сотня выстроились на своихъ мѣстахъ. Командующій войсками, поздоровавшись съ людьми, приказалъ мнѣ трогаться въ путь. Я отвелъ отрядъ отъ сборнаго мѣста еще версты на полторы, остановилъ его, построилъ верблюдовъ въ нѣсколько линій, вызвалъ авангардъ, арьергардъ и боковыя охранки; попросилъ къ себѣ гг. начальниковъ частей и всѣхъ офицеровъ, познакомился съ ними, поздоровался съ нижними чинами и мы, оснивъ себя крестнымъ знаменіемъ, тронулись съ мѣста около 6¼ часовъ утра и начали углубляться въ необозримое степное пространство.

Погода была самая мрачная. Небо, по всему необозримому пространству, было покрыто густыми облаками; дождь обратился въ ливень и вѣтеръ подулъ до того холодный, что мы, для согрѣванія себя, слѣзали съ лошадей и, идя пѣшкомъ, мями глинистую землю, которая огромными комами прилипала къ сапогамъ. Расположеніе духа невольно принимало мрачный оттѣнокъ; 13-е число, день выступленія, безпрестанно вертелось въ мысляхъ...

Не предполагая дѣлать этого похода, а еще менѣе получить какую либо часть войскъ другой области подъ мое начальство, такъ какъ я самъ служилъ въ семирѣченскихъ войскахъ, я, кромѣ запаса чая, сахара и двухъ пудовъ сухарей для чая, ничего не имѣлъ съ собою, тѣмъ болѣе, что, состоя при главной квартирѣ, я, въ числѣ прочихъ, до сихъ поръ всегда обѣдалъ у командующаго войсками. Теперь, неожиданно отдѣлившись отъ главной квартиры, я долженъ былъ подумать о себѣ, почему и обратился къ сапернымъ офицерамъ, въ числѣ которыхъ у меня были знакомые, прося ихъ принять меня въ свою артель. Я былъ радужно принятъ саперами и никогда не забуду тѣхъ любезныхъ отношеній, въ которыхъ я находился къ этому замѣчательному своею порядочностью обществу офицеровъ.

Въ хорошую погоду люди идутъ скоро; пройдя болѣе половины пути, я погналъ слѣзать привагъ, но проливной дождь, глинистая сыякость и необыкновенный холодъ гнали насъ впередъ. Приостановивъ

шихся, и пропустив мимо себя отрядъ, равно и большую часть верблюдовъ, я почувствовалъ ощущеніе, похожее на замерзаніе; поводья вываливались изъ рукъ, ноги ковыляли... Я поспѣе догналъ переднихъ, соскочилъ съ лошади и пошелъ въ числѣ прочихъ; всѣ офицеры были спѣшены, и тутъ я увидѣлъ, до какой степени всѣ, и люди и животныя, дрожа отъ холода, спѣшили впередъ!... Но, куда мы спѣшили?... Всѣ знали, что, кромѣ нескончаемой и бурной степи, на мѣстѣ ночлега нѣтъ ничего. Тѣмъ не менѣе, отрядъ шелъ весьма скоро, особенно, когда подполковникъ баронъ Аминовъ сообщалъ, что остается только около трехъ верстъ до ночлега, и что на ночлегъ мы найдемъ заготовленный хворостъ, привезенный дрова для варки пищи и степную, идущую на топливо, траву. Услыхавъ это, люди затопились еще болѣе. Но, какъ нарочно, вдругъ завернувъ сильный вихрь буранъ. Небо разразилось сѣномъ и, вслѣдъ за тѣмъ, градомъ.... вихрь обхватилъ всю степь и произвелъ какой-то хаосъ въ атмосферѣ.... Окопѣлые, мы бѣжали къ видѣвшимся вблизи огонькамъ, — то было мѣсто ночлега, гдѣ передовые казаки развели огни. Отрядъ захватилъ весь горючій матеріалъ, заготовленный для всѣхъ четырехъ эшелоновъ; люди зажгли такіе костры, какихъ, я полагаю, въ этихъ мѣстахъ, съ поконъ вѣка, видано не было. Наша одежда, съ утра смоченная дождемъ, до такой степени была охвачена морозомъ, что всѣ наши пальто, до другого дня, стоймя стояли на землѣ, представляя картину какого-то безголового строя.... Верблюдовъ я потерялъ порядочное число, а тюки, когда на другой день были подобраны, оказались совершенно обледѣнными; веревки пришлось перерубать топорами.

Костры на бивакъ были разведены моментально. Всѣ отрядъ, сами себя и другъ друга, стали оттирать, отогрѣвать и не давая другъ другу засыпать. Къ особенной чести гг. офицеровъ первого эшелона, я долженъ отнести ту заботу и попеченіе, которыя они принимали для сохраненія каждаго человѣка своей части въ то время, когда сами находились въ томъ же положеніи окопѣлыхъ.

Съ наступленіемъ ночи, вихрь отчасти прекратился и остатокъ ея прошелъ въ дѣятельномъ отогрѣваніи и оттираніи другъ друга. На утро оказалось нѣсколько ознобившихся, но, благодаря Бога, ни одного замерзшаго, кромѣ двухъ лаучей туземцевъ, которыхъ спасти не было возможности.... Мы ихъ предали землѣ.

На другой день, утро было свѣжее, хотя и безъ вихря, но вѣтеръ дулъ холодный. Солнце проглядывало сквозь густой туманъ, вѣтеръ подавалъ надежду на проясненіе погоды. Дѣйствительно,

послѣ полудня, солнце заблестало и начало пригрѣвать. Люди стали расходиться изъ кучекъ и разбрелись по позиціи; эта картина сильно напоминала мошею, пригрѣтыхъ теплотою и выходящихъ изъ щелей.

По данной мнѣ инструкціи, съ мѣста ночлега Нурекъ, я долженъ былъ, на другой день, выступить далѣе въ пять часовъ утра; но, вслѣдствіе застигшей насъ бури, я не имѣлъ возможности этого исполнить, такъ какъ на другой день все было еще до такой степени обледѣннымъ, что я не могъ выюнчить, почему и рѣшился, на свою отвѣтственность, дать отряду дневку, о чемъ въ полдень, 14-го числа, послалъ донесеніе съ джигитомъ, который, возвратясь, привезъ мнѣ одобрительное разрѣшеніе главнаго начальника и извѣстіе, что на рѣкѣ Клы войска и главная квартира потерѣли тоже порядочное крушеніе.

На третій день, 15-го марта, вътретній мнѣ эшелонъ совершенно оправился и выступилъ съ Нурека въ семь часовъ утра къ урочищу Учыма. Оттуда мы направились на Фариншъ, Синтабъ, Тимиръ-кабукъ, до колодцевъ Балты-салдырь. Отсюда, степь измѣняетъ свой характеръ; слѣдовать приходится по распросамъ, на колодцахъ, такъ какъ степь въ полномъ смыслѣ голодная и совершенно безводная. Названные мною переходы отъ Нурека до Балты-салдыря были пройдены нами, хотя безъ особенныхъ приключеній, но съ большими невзгодами, по случаю дождей, холодовъ и сильныхъ степныхъ вѣтровъ.

На Балты-салдырь, вслѣдствіе малочисленности колодцевъ, часто съ негодною въ нихъ водою, мнѣ приказано было раздѣлить эшелонъ и самому, съ ротою саперъ, половиною казаковъ, двумя орудіями и ракетнымъ дивизиономъ, продолжать движеніе по весьма трудной дорогѣ, такъ называемой сѣверной, до урочища Тамды, гдѣ предполагалось соединить всѣ эшелоны, равно и казалинскій отрядъ и построить временное укрѣпленіе и складъ для провіанта. Другая часть моего эшелона, подъ начальствомъ подполковника Полторацкаго, должна была слѣдовать южнѣе, по пути, параллельному моему, въ разстояніи семи, десяти и не далѣе 30-ти верстъ. За мной слѣдовали: второй эшелонъ и главная квартира, а за подполковникомъ Полторацкимъ, остальные эшелоны. Пройдя съ нами три весьма тяжелыхъ перехода, командующій войсками отнѣмши слѣдованіе на Тамды, перешелъ самъ съ главною квартирою на южную дорогу, и предписалъ мнѣ сдѣлать тоже, и на колодцахъ Акъ-кудукъ соединиться съ другою частью моего эшелона, вступить вновь въ

командование первым эшелоном и продолжать слѣдованіе до колодезь Аристанъ-бей-кудукъ, гдѣ ожидать его прибытія и соединенія всѣхъ эшелоновъ.

По прибытіи всѣхъ эшелоновъ къ названнымъ колодцамъ, командующій войсками благодарилъ меня за порядкъ, въ которомъ былъ приданъ трехсотерстный, весьма тяжелый путь. Дѣйствительно, первому эшелону, слѣдовавшему въ головѣ, пришлось идти безъ дорогъ, по распросамъ, и, такъ сказать, пролагать путь другимъ эшелонамъ, слѣдовавшимъ сзади; наша артилерія оставляла глубокіе слѣды, долго сохранявшіеся въ песчаномъ грунтѣ. Придя къ колодцамъ, съ каждаго ночлега я долженъ былъ посылать назадъ джигита съ донесеніемъ, о числѣ найденныхъ колодезь, о качествѣ и количествѣ воды, и вообще описать качество стоянки, и тѣмъ облегчить маршъ идущимъ сзади войскамъ. На колодцахъ Аристанъ-бей-кудукъ, по соединеніи всего отряда, скопилось такое множество лошадей и верблюдовъ, что могло встрѣтиться затрудненіе въ снабженіи ихъ водою. Между тѣмъ, отрядъ, имѣя въ виду присоединеніе транспорта съ провіантомъ, долженъ былъ остаться здѣсь довольно продолжительное время. Вслѣдствіе этого, я получилъ приказаніе отправиться далѣе, къ урочищу Манамджанъ, гдѣ и встрѣтить Свѣтлое Христово Воскресеніе.

По прибытіи всѣхъ войскъ къ Манамджану, командующій войсками приказалъ всѣ эшелоны нашего отряда, и отрядъ ожидаемый изъ Казалинска, соединить на урочищѣ Халь-ата, гдѣ, вслѣдствіе изобилія воды, какъ ключевой, такъ и колодезной и по удобству мѣстности, рѣшено было возвести небольшое укрѣпленіе, устроить складъ провіанта и оставить часть войскъ. Для слѣдованія къ Халь-ата, командующій войсками приказалъ составить три большихъ эшелона. Въ составъ перваго эшелона вошли: всѣ стрѣльбовыя роты бригады генерала Бардовскаго, вся конная батарея, шесть орудій пѣшей артилеріи, ракетный дивизионъ и четыре сотни казаковъ. Начальство поручено генералу Бардовскому, а мнѣ приказано остаться его помощникомъ. При нашемъ эшелонѣ слѣдовали: командующій войсками, Великій Князь Николай Константиновичъ, опередившій казалинскій отрядъ, Герцогъ Лейхтенбергскій, генералъ Годовачевъ и вся главная квартира. По прибытіи, 21-го апрѣля, къ 11½ часамъ утра, въ Халь-ата эшелоны были упорядочены и составилъ одинъ отрядъ подъ начальствомъ генерала Годовачева. Я вновь поступилъ въ составъ лицъ главной квартиры.

21-е апрѣля. Бивакъ при урочищѣ Халь-ата. Урочище

Халь-ата представляетъ собою ту же необозримую степь, но только совершенно песчаную, образовавшуюся, какъ кажется на первый взглядъ, вслѣдствіе постоянныхъ, вѣковыхъ наносовъ песка. На этой мѣстности находится значительное количество колодезь съ хорошей водою, такъ что многие изъ нихъ оставлены были безъ употребленія, ибо независимо колодезь, изъ горы песчаной формации вытекаетъ обильный ключъ чистой воды. Топливо, какъ вообще по всей степи, состоитъ изъ какихъ-то колючекъ, замѣняющихъ дрова. Кормъ, какъ говорится, верблюжий, потому что верблюды имъ насыщаются вполне, но для лошадей нѣтъ корма или, по крайнѣй мѣрѣ, подобнымъ кормомъ лошадь существовать не можетъ.

На этомъ бивакѣ, войска нашей колонны, въ ожиданіи присоединенія остальныхъ и упраздненія, какъ я сказалъ, эшелоновъ, должны были немедленно приступить къ возведенію предлагаемой крѣпости, и такъ какъ вся эта необозримая песчаная мѣстность весьма волниста и мѣстами образуетъ большія возвышенности, или даже цѣлыя горы, то одна изъ такихъ возвышенностей была избрана мѣстомъ для возведенія крѣпости.

У колодезь Халь-ата температура значительно измѣнилась и перешла въ душливую. Вѣтеръ, который дуть порядочно, казался горячимъ и, по временамъ, какъ будто обжигалъ лицо. Солнце было во всемъ блескѣ и жгло на славу.... Мы, а также нижніе чины, постоянно были въ блѣхъ фуражекъ съ подзатыльниками; не смотря на то, рѣдко у кого не было пузырей и волдырей на шеѣ; а про лицо и говорить нечего, фizioноміи наши ежедневно измѣнялись, усы!... все къ худшему.

Какъ только колонна пришла на Халь-ата и пока войска стали стягиваться на указанные мѣста, вѣтеръ, хотя теплый, сталъ дуть сильнѣе, чаще, безотрывочно (что и называютъ степнымъ вѣтромъ) и, наконецъ, началъ выдмывать такъ сильно песокъ по степи, что къ пятому часу по полудни солнце померкло и образовалась какая-то песчаная тѣма. Невозможно было хорошо различить ни одного предмета, ни палатки, ни человѣка, все было занесено вихремъ песку.... Въ восемь часовъ вечера вѣтеръ ослабѣлъ, не вздымалъ болѣе столбами массы степнаго песка, но продолжалъ сыпать его такъ, какъ моросить мелкій дождь въ пасмурную погоду на всѣхъ и на все, безостановочно, во всю ночь. Проснувшись на другой день, я былъ пораженъ небывалымъ для меня зрѣлищемъ. Не говоря уже о

палатѣ моей снаружи, но я самъ, моя кровать, столѣтъ, въячные лянши, все безъ исключенія было засыпано толстымъ слоемъ песка....

22-е апрѣля, Халъ-ата. Утро. Тотъ же вѣтеръ и вихри песка, та же горячая степь, та же невозможность укрыться отъ всепроникающей стихіи, обдѣлывающей васъ со всѣхъ сторонъ. Солнце вновь застелилось песочною сѣтью, какъ и нынѣ.

Постоянный песчаный вѣтеръ весьма затрудняетъ работы. Тѣмъ не менѣе, уже приступили къ разбивкѣ укрѣпленія и къ устройству провода воды.

Часу во второмъ дня, командующій войсками встрѣтилъ прибывшій второй эшелонъ съ артиллерійскимъ паркомъ и походнымъ лагеремъ. Ежедневно, не смотря ни на какую погоду, командующій войсками, въ сопровожденіи дежурнаго адъютанта, обходитъ весь нашъ громадный лагерь, осматриваетъ всѣ работы, которыя производятся по возведенію крѣпости, осматриваетъ правильный отводъ воды для водопоя и проч.

Часу въ пятомъ по полудни, песчаная метель совершенно утихла, но ее замѣнило убійственное солнечное пекло. Въ шесть часовъ вечера раздался звонокъ, приглашающій лицъ главной квартиры къ обѣду къ командующему войсками. Я, въ числѣ прочихъ, пошелъ тоже къ обѣду. За обѣдомъ находились и Ихъ Высочества. Генерала Кауфмана я засталъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа; впрочемъ, это расположеніе духа замѣчалось всегда, при встрѣчахъ на переходѣ или на привалѣ, и производило превосходное вліяніе на окружающихъ, сообщало имъ бодрость и увѣренность въ счастливомъ окончаніи экспедиціи. Послѣ окончанія обѣда, генералъ пошелъ опять по лагерю осматривать работы, и мы всѣ почти послѣдовали за нимъ. Погода, казалось, какъ бы пришла въ себя. Солнце клонилось къ закатау, а потому не жгло, но воздухъ былъ крайне душенъ. Ночью разразилась сильная буря, которая, казалось, готова была сорвать и унести мою несчастную палатку. Къ счастью, этого не случилось и, по обыкновенію, все занесено было пескомъ.

23-е апрѣля, Халъ-ата. Песчаной метели почти не было цѣлый день, но духота и солнечный жаръ страшные. Работы по возведенію укрѣпленія производятся по прежнему. Та же обыденная прогулка командующаго войсками по биваку, тотъ же обѣдъ въ шесть часовъ, тотъ же осмотръ работъ. Вечеръ былъ тихій и душный. Вдругъ, съ десятого часа вечера, подулъ вѣтеръ, сталъ постепенно увеличиваться, началась метель и, наконецъ, всю степь охватили ураганы, до того сильный, что, лежа въ постелѣ и въ закрытой, наглухо па-

латѣ, необходимо было укрыться съ головой. Подъ гуломъ и воемъ вѣтра, вдругъ.... мнѣ почувались звуки горна. Находясь въ полудремотѣ, я не могъ разобрать въ чемъ дѣло, какъ въ эту минуту, подъ самымъ ухомъ, гранула дробь сапернаго барабана (моя палатка была около саперовъ). Тревога!... Я вскочилъ и слышу суматоху и выскакиваніе саперовъ изъ палатокъ. Но въ первый моментъ, ничего не могъ разобрать, потому что все это случилось совершенно неожиданно, а разглядѣть нельзя было ничего, такъ какъ песчаный ураганъ неся столбами и рѣзалъ лицо. Къ счастью, вѣтеръ дулъ намъ въ тылъ, слѣдовательно, потревожившимъ насъ — прямо въ лицо. Я, однако, скоро разглядѣлъ построившихся саперовъ и стрѣлковъ и офицеровъ, уже находившихся на своихъ мѣстахъ. Мнѣ подали лошадей, и я примкнулъ къ общей суматохѣ. Все было на ногахъ и на коняхъ; но въ этомъ хаосѣ песку трудно было добиться толку. Неожиданность тревоги говорила о близости непріятеля, а между тѣмъ все было тихо; верховые искали разъясненія причины тревоги, скакали, не разбирая мѣста, и сталкивались другъ съ другомъ; только одна пѣхота совершенно спокойно и стройно стояла на своихъ фасахъ, прикрывая орудія, снятыя съ передковъ и безмолвно угрожавшія непріятелю гостю. Первоначально я примкнулъ къ саперамъ и стрѣлкамъ; но когда мнѣ подвели лошадей, я присоединился къ разъѣзжающимъ. Въ это время лица главной квартиры суетились, отыскивая командующаго войсками; между тѣмъ, генералъ Кауфманъ, не дожидаясь, чтобы ему подвели лошадей, промѣлъ съ своей напочкой въ рукахъ, мимо саперовъ и стрѣлковъ, къ углу фаса, къ тому мѣсту, откуда былъ сдѣланъ выстрѣлъ, или подавъ сигналъ тревоги; что его не могли тотчасъ замѣтить, это совершенно естественно, такъ какъ была такая метель, что невозможно было, въ особенности въ суматохѣ, никого вдругъ разглядѣть. Наконецъ, ему подвели лошадей и всѣ его окружили. Командующій войсками и всѣ окружающіе съ нетерпѣніемъ ожидали разъясненія причины тревоги, потому что кругомъ все было спокойно, кромѣ бури, и никакихъ выстрѣловъ не было болѣе слышно.

Возвратившіеся съ казачьяго пикета офицеры генеральнаго штаба объяснили причину тревоги: непріятельскій разъѣздъ, силою въ 15 человекъ, подъѣхалъ къ нашему пикету; казакъ-часовой, замѣтивъ ихъ, выдвинулся, чтобы лучше рассмотреть, и убѣдившись, что это турмены, сдѣлалъ выстрѣлъ; ему въ отвѣтъ турмены сдѣлали два выстрѣла и бросились впередъ, чтобы отрезать пикетъ отъ лагери; но это имъ не удалось, ибо по первому выстрѣлу люди высочили и

выстроились на своихъ фасахъ. Необходимо отдать полную похвалу нашимъ солдатамъ, еще болѣе потому, что появленія непріятеля въ Халъ-ата никто, конечно, не ожидалъ, между тѣмъ, по первому сигналу всѣ фаса стояли въ ружьѣ и, главное, въ полномъ спокойствіи.

Непріятельскій развѣздъ въ моментъ тревоги быстро скрылся изъ глазъ подъ покровомъ бурана. Тѣмъ не менѣе, на другой день, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ бывшаго казачьяго пикета, было найдено туркменское ружье и водяной турсузъ, вслѣдствіе чего надо полагать, что выстрѣломъ казакъ одинъ изъ туркменовъ былъ убитъ и, конечно, увезенъ, такъ какъ азіатцы, среди самыхъ серьезныхъ дѣлъ, увозятъ трупы и раненыхъ товарищей.

Командующій войсками приказалъ снять съ каждаго фаса по одному вѣзду отъ роты, а остальныхъ на нѣкоторое время оставить на мѣстахъ.

Послѣ всей этой передергиги мы разошлись по палаткамъ; но о томъ, чтобы зажечь свѣчку, или даже фонарь, нельзя было и думать — до того продувало вѣтеръ мою прозрачную палатку, сквозя которую, какъ сквозъ сито, сыпалъ тончайшій песокъ. Я страшнѣе съ подушки и съ кровати песокъ и, не раздѣваясь, легъ въ нѣдѣль....

24-е апрѣля, Халъ-ата. Я проснулся въ шесть часовъ утра отъ духоты, и тотчасъ раздѣлся, потому что весь былъ въ испаринѣ и песокѣ. Утромъ, 24-го апрѣля, погода наступила совершенно тихая, солнце, не смотря на ранній часъ (шесть часовъ), жгло сквозъ палатку до такой степени, что нѣтъ словъ, чтобы выразить это тяжелое, давящее ощущеніе. Можно себѣ представить, что бываетъ среди дня. Вслѣдствіе необычайной духоты и постоянного утоленія жажды чаемъ съ кислотою, совершенно теряешь аппетитъ и чувствуешь себя какъ будто развареннымъ.

Въ лагерѣ все было спокойно. Вспоминали вчерашнюю тревогу, а съ ней и суматоху; однако, неожиданность эта принесла намъ пользу; каждый про себя созналъ, что надо быть, какъ говорится, на чеку.

Часовъ около двѣнадцати прибылъ Казалинскій отрядъ, такъ что составъ нашихъ соединенныхъ отрядовъ былъ слѣдующій: 1 саперная рота, 10 ротъ стрѣлковъ, 9 линейныхъ ротъ, 8 конныхъ орудій, 6 пѣшихъ, 4 горныхъ, 2 картечницы, 2 крѣпостныхъ орудій, 2 мортиры, ракетная батарея и инженерный паркъ.

Во вновь zaloженномъ укрѣпленіи, которое завтра, 25-го числа, должно быть окончено, полагають оставить гарнизонъ изъ одной

линейной роты, двухъ крѣпостныхъ орудій и одной сотни казановъ. Съ остальными войсками мы двинулись къ Аму-дарьѣ, гдѣ вскорѣ соединимся съ Оренбургскими и Кавказскими отрядами.

День, 24-е апрѣля, прошелъ въ работахъ по возведенію крѣпости. На обѣдѣ у командующаго войсками я обратилъ особенное вниманіе на распросы его, дѣлаемые генеральнаго штаба подполковнику барону Аминову, относительно собранныхъ имъ свѣдѣній о разстояніи отъ здѣшней позиціи Халъ-ата до Аму-дарьи. Подполковникъ баронъ Аминовъ съ самаго начала похода былъ въ должности какъ бы козловозаго, такъ что, при движеніи, мы руководствовались тѣми свѣдѣніями, которыя онъ собиралъ объ этомъ пути какъ въ Ташкентѣ, такъ и въ Самаркандѣ.

25-е апрѣля, Халъ-ата. Въ два часа ночи разразилась новая буря и песчаная метель. Много палатокъ, въ томъ числѣ и столовую командующаго войсками, снесло. Въ седьмомъ часу утра буря нѣсколько утихла, и явилась возможность выползти изъ палатки и нѣсколько оправиться. Для того, чтобы кое какъ сдѣлать свой туалетъ, необходимо было прежде выйти изъ палатки для того, чтобы присада могла смести или, лучше сказать, свалить песокъ и страшнѣе его со всѣхъ вещей. Обчиститься какъ слѣдуетъ очень трудно: хотя мы всѣ коротко острижены, но это мало помогаетъ: вся голова, лицо, все въ песокъ; для глазъ въ особенности это очень тяжело. Высшее начальство тоже не на розахъ; всѣ несутъ почти одинакія невзгоды,—разница самая незначительная.

Носится слухи, что командующій войсками сильно озабоченъ дальѣйшимъ движеніемъ къ Аму; говорятъ, что сегодня начальники частей будутъ призваны на совѣщаніе. Свѣдѣнія относительно разстоянія до этой рѣки оказываются разнорѣчными; полагаю и были увѣрены, что разстояніе отъ Халъ-ата до Аму-дарьи 70 или 80 верстъ по страшному безводному пространству; если бы даже было и до 100 верстъ, то все-таки переходъ былъ бы возможенъ; но казалинскій отрядъ принесъ свѣжія свѣдѣнія, на основаніи которыхъ разстояніе отъ Халъ-ата до Аму-дарьи считается слишкомъ въ 160 верстъ, и безъ малѣйшаго признака воды. Было о чемъ подумать. Огромный (для степи) отрядъ, масса верблюдовъ и лошадей должны пройти 160 верстъ по страшнымъ, сыпучимъ пескамъ, о которыхъ трудно себѣ составить понятіе, и слѣдовать нѣсколько дней по убійственной духотѣ безъ капли воды на пути.

Принимаюсь вновь за перо, чтобы продолжать дневникъ нынѣшняго дня. Я было отправился на совѣщаніе, но оно, какъ оказалось,

состоится завтра, 26-го числа, послѣ молебствія и освященія заложеннаго укрѣпленія, которое будетъ называться укрѣплениемъ св. Георгія. Въ ожиданіи результата совѣщанія, не могу не обратиться вновь къ тѣмъ ощущеніямъ, которыя приходится испытывать въ такой мѣстности, которую, по истинѣ, Господь не могъ создать для бытія людей. Я готовъ поручиться, что ни единый человѣкъ, который только находится на мало-малыси житейски устроенной землѣ, не повѣритъ, да и не въ состояніи себѣ представить того положенія, въ какомъ мы находимся здѣсь.... Слова сказки, за тридцать земель, въ тридесатомъ царствѣ, невольно приходятъ на умъ.... Съ самаго прихода нашего на Халъ-ата, ни минуты человѣческаго положенія.... День и ночь хаосъ, день и ночь свѣта преставленіе, безъ отдыха и безъ промежутка!.... Сегодня, съ двухъ часовъ дня и по сію минуту, седьмой часъ вечера, ураганъ валится всю степь и насъ такъ, что нѣтъ словъ, чтобы это выразить. Столовую генераль-губернатора такъ и не могли поставить. Я едва добрался до моей палатки и хотя уже свылся, но все-таки ужаснулся: все засыпано пескомъ; сама палатка безостановочно трепещетъ, какъ какое нибудь живое существо; нѣтъ возможности ни прилечь, ни заснуть. Гулъ свирѣвствующаго вѣтра, отвратительный крикъ ишаковъ, и не менѣе неприятный крикъ верблюдовъ, поминутное ржаніе лошадей, ужасно дѣйствуютъ на нервы.... Невыносимо; хотя бы пять минутъ тишины.

Между тѣмъ, рядомъ слышатся голоса monks сосѣдей, саперныхъ офицеровъ, только что возвратившихся съ укрѣпленія. На усиленные и нѣсколько разъ повторенныя приказанія подать чаю, они получаютъ неумолимый отвѣтъ, что невозможно развести огня. Нельзя не отдать полной справедливости гг. саперамъ; каждый офицеръ имѣлъ свою часть по возведенію и построитъ укрѣпленія и самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнять свою обязанность. Мы выдѣли ихъ, на валу укрѣпленій и рвахъ, сожигаемыми палящимъ солнцемъ и засыпаемыми пескомъ и не оставлявшими своего мѣста до тѣхъ поръ, пока урокъ не былъ оконченъ, примѣръ, оцутительно дѣйствовавшій на усердіе и рвеніе нижнихъ чиновъ.

Въ ночи разнесся слухъ, что завтра вечеромъ, или въ ночь, мы выступаемъ къ Аму-дарѣ. Каждый приказалъ приготовить, собственно для себя, бутылочки три воды, независимо отъ той, которая по расчету верблюдовъ, лошадей и прислугъ каждого, можетъ быть взята въ турсуки на три дня, такъ какъ предполагали три перехода. Дай Богъ, чтобы ихъ было только три.

26-е апрѣля, Халъ-ата. На утро части войскъ, которыя могли

помѣститься въ укрѣпленіи, были выстроены для молебствія; на возвышенности былъ съ утра вывѣшенъ флагъ. Командующій войсками прибылъ въ крѣпость къ семи часамъ утра, отслужилъ молебенъ съ водосвѣщеніемъ, послѣ чего приказалъ саянговать изъ двухъ орудій, поставленныхъ на барбетахъ, и затѣмъ, пропустивъ войска церемониальнымъ маршемъ, потребовалъ къ себѣ въ ставку генераловъ и начальниковъ частей. Совѣщаніе не продолжалось и часа времени. Командующій войсками рѣшилъ: роту саперовъ, двѣ роты стрѣлковъ, бригады генерала Бардовскаго, дивизіонъ горныхъ орудій, взводъ скорострѣльныхъ орудій и полсотни казаковъ отправить впередъ верстъ за 35, гдѣ, по расписамъ, существовали колодцы, въ настоящее время засыпанные непріятелемъ. Отрядъ этотъ порученъ генералу Бардовскому. По полученіи свѣдѣній отъ генерала Бардовскаго, командующій войсками, со всей главною квартирою и частью войскъ, предполагалъ тоже двинуться; за нимъ пойдутъ и остальные войска, за исключениемъ остающихся въ гарнизонѣ укрѣпленія св. Георгія.

27-о апрѣля, Халъ-ата. Сегодня, къ вечерней зарѣ, небо совершенно прояснилось, стало тихо.... Взызала ракета, вслѣдъ за тѣмъ, выстрѣлъ изъ орудія и зора пробита. Луна взошла во всемъ блескѣ.... Вечеръ и ночь были такъ хороши, что это насъ всѣхъ оживило, и разлило въ организмъ какое-то внутреннее блаженство. Съ содроганіемъ вспоминаешь объ ужасахъ песчаныхъ бурь; кажется, нѣтъ возможности ни одному организму свыннуться съ этой злою природой. Эта мѣстность, жмѣе вѣтра, какъ какого нибудь злаго духа, который изгоняетъ отъ себя не только человѣчество, но даже и всякую тварь, такъ какъ на всемъ пространствѣ до Аму-дарьи и чѣмъ далѣе, тѣмъ, говорятъ, хуже, не существуетъ ни какихъ животныхъ, не пролетаетъ птицъ, а водятся только въ нескѣ скорпіоны, какіе-то особенные жуки, черепахи и омерзительныя ящерицы громадной величины, длиною до двухъ аршинъ. Крошѣ отряда, на значеннаго для отысканія и отытія колодцевъ, отправляющагося сегодня въ пять часовъ вечера, генеральнаго штаба подполковникъ баронъ Аминовъ, на основаніи собранныхъ имъ свѣдѣній, послалъ нѣсколько джигитовъ, для осмотра другого пути, ведущаго, по словамъ туземцевъ, къ Аму-дарѣ по колодцамъ и ключамъ. Вслѣдствіе этого, командующій войсками рѣшился выждать у Халъ-ата два дня, въ ожиданіи отвѣта отъ посланныхъ барономъ Аминовымъ джигитовъ.

Два часа по полудни. Вѣтеръ стихъ, но за то наступила такая жара, которая, казалось, сожжетъ и высушитъ мозги. Страдая отъ жары и отъ другихъ степныхъ невзгодъ, мы часто вспоминали Вамъ-

бери, который, какъ мы всё думали до похода, многое присочинилъ, описывая бѣдствія, испытанныя въ степи. Теперь, пересѣкая тотъ путь, которымъ онъ шелъ, намъ пришлось убѣдиться лично въ справедливости его словъ.

Части, назначенныя для отысканія и устройства колодезевъ, начали съ утра готовиться къ выступленію; принимали провіантъ, наливались водою, а около четырехъ часовъ по полудни, при ужаснѣйшей жарѣ, стали вьючиться. Вьючка—это невыразимая возня и самая непріятнѣйшая процедура, сопровождаемая фырканьемъ и отвратительнымъ прикомъ верблюдовъ. Въ это время командующій войсками, съ нѣкоторыми лицами своего штаба, вышелъ изъ палатки проводить отрядъ. Около отправляющихся товарищей собрался цѣлый кружокъ; всё пожелали имъ добраго пути и счастливаго исполненія возложеннаго на нихъ порученія. При этомъ, въ видѣ поощренія, имъ сообщили распространившіеся слухи, что въ нѣсколькихъ верстахъ ихъ дожидается хорошо вооруженный отрядъ аванцевъ, тысячи въ двѣ или три, съ орудіями. Это извѣстіе весьма радовало уходящихъ впередъ, и даже составило предметъ зависти для оставшихся. Къ пяти часамъ все было готово и рота саперовъ, двѣ роты стрѣлковъ, дивизіонъ горныхъ орудій, двѣ картечницы и полсотни казаковъ выступили подъ начальствомъ генерала Бардовскаго.

Не прошло и получаса времени, какъ проѣхалъ мимо моей палатки верховъ, командующій войсками, желая хотя немного познакомиться съ неизвѣстной дорогой, по которой онъ направилъ отрядъ, проводилъ его до 8-й версты и къ вечеру возвратился въ лагерь. Солнце закатилось, жаръ спалъ, дуна опять вошла, наступилъ прелестный вечеръ, можно было дышать и не хотѣлось идти въ палатку. Мы разошлись спать часу въ первомъ ночі; ночь была великолѣпная... ни одна песчинка не шевелилась.

Туземцы, идущіе съ отрядомъ, въ этотъ вечеръ объявили, что ни мятелъ, ни бурановъ болѣе не будетъ, но, что по вѣтрнымъ ихъ примѣтамъ, наступаетъ время самыхъ сильныхъ жаровъ. Хотя вѣсть эта не могла быть утѣшительною, такъ какъ мы уже теперь страдали отъ духоты, но мнѣ казалось, что все таки лучше пережить одну жару, чѣмъ соединенную съ разными буйствами природы. Отходя ко сну, каждый думалъ объ исходѣ экспедиціи Бардовскаго; неотступно преслѣдовала и меня мысль о дальнѣйшемъ нашемъ походѣ.... Тяжелый сонъ прерывалъ нить этихъ размышленій.

28-е апрѣля, Халъ-ата. Проснувшись въ семь часовъ утра, я узналъ, что ночь прошла не совсѣмъ спокойно: обстоятельства за-

ставили командующаго войсками, ночью же, отправить три сотни казаковъ, вслѣдъ за ушедшимъ вчера отрядомъ Бардовскаго. Первое извѣстіе объ этомъ дѣлѣ, я получилъ отъ своего сауги, который, едва взоидя въ палатку, поторопился мнѣ сообщить, что на вышедшій вчера отрядъ было сдѣлано нападеніе, что подполковникъ Ивановъ раненъ въ руку и въ ногу, подполковникъ Тихменевъ въ лицо; что два казака ранены тяжело, два легко; что изъ джигитовъ, сопровождавшихъ отрядъ, нѣкоторые ранены тяжело и самый лучший изъ вожаковъ-джигитовъ убитъ.

Наскоро одѣвшись и выйдя изъ палатки, я увидѣлъ Великаго Князя Николая Константиновича, сидѣвшаго на табуретѣ и разговаривающаго съ казакомъ, который только что пріѣхалъ изъ отряда генерала Бардовскаго съ донесеніемъ. Надо замѣтить, что съ этимъ же отрядомъ, долженъ былъ идти Великій Князь Николай Константиновичъ, въ качествѣ помощника начальника отряда, но, заболѣвъ лихорадкою наканунѣ, не могъ выступить 27-го числа. При отрядѣ же, между прочими, находились: генеральнаго штаба подполковникъ баронъ Каульбарсъ, какъ начальникъ съемочной партіи, генеральнаго штаба подполковникъ Тихменевъ, въ качествѣ колоноводжатаго, и полковникъ Ивановъ. Послѣдній былъ командированъ въ отрядъ, какъ человекъ боевой (онъ имѣетъ георгіевскій крестъ) и отчасти знакомый съ мѣстностью; передъ хивинскою экспедиціею онъ находился въ Тамдахъ, для собиранія свѣдѣній о путяхъ къ Аму-дарѣ и зналъ окрестное населеніе. Кроме того, при немъ были его джигиты, бывавшіе въ этой мѣстности.

Приглашенный Его Высочествомъ присутствовать при донесеніи казака, я услышалъ слѣдующій разсказъ. Полковникъ Ивановъ и подполковникъ Тихменевъ, идя въ виду обозрѣнія мѣстности, отделились отъ отряда и выѣхали впередъ. При каждомъ изъ нихъ имѣлось по два казака, и, кромѣ того, 11 джигитовъ, впереди которыхъ ѣхалъ вожакъ, знающій хорошо мѣстность.

Около 8½ часовъ вечера, партія усмотрѣла впереди, въ близкомъ разстояніи, нѣсколько человекъ туркменовъ, вслѣдъ за которыми изъ за той же возвышенности, выскочили человекъ полтораста всадниковъ и бросились на нашу небольшую группу. Полковникъ Ивановъ и подполковникъ Тихменевъ, тотчасъ спѣшили, приказали казакамъ и джигитамъ сдѣлать тоже, изготовили ружья и револьверы, причемъ полковникъ Ивановъ приказалъ стрѣлать не иначе какъ въ упоръ. Туркмены, увидѣвъ спокойствіе и стойкость этой горсти людей, приостановились и начали стрѣлать; наши казаки и джигиты, которые

тоже имѣли ружья, отвѣчали имъ выстрѣлами съ самаго близкаго разстоянія. Въ это время полковникъ Ивановъ былъ раненъ пулею въ ногу на вылетъ, и въ руку такъ, что пуля зашла; подполковникъ Тихменевъ получилъ легкую рану въ лицо; изъ казаковъ ранены четверо, изъ которыхъ два тяжело, изъ джигитовъ одинъ убитъ, нѣсколько ранены: двое тяжело. Надо замѣтить, что, какъ только былъ усмотрѣнъ непріятель, полковникъ Ивановъ успѣлъ послать къ отряду джигита, который на скаку передалъ извѣстіе восьми казакамъ и офицеру, ѣхавшимъ впереди отряда въ видѣ наблюдательнаго пикета. Казаки, подъ начальствомъ хорунжаго Мамаева, тотчасъ бросились въ карьеръ вырывать своихъ, и съ крикомъ «ура» присоединились къ нимъ. Туркмены, усмотрѣвъ пыль и скачущихъ всадниковъ, воображали, что весь отрядъ спѣшитъ на выручку и тотчасъ отскакали отъ осажденныхъ шаговъ на сто, что дало возможность прискакавшимъ восьми казакамъ съ офицеромъ присоединиться къ своимъ, спѣшиться и поддержать перестрѣлку. Туркмены, въ свою очередь, замѣтивъ малочисленность отряда, снова стали напирать.... Къ счастью и къ спасенію горсти храбрыхъ, взводъ стрѣлковъ, бывшій въ авангардѣ, сбросивъ съ себя шинели, подоспѣлъ бѣгомъ во-время.... Послѣ двухъ или трехъ выстрѣловъ, шайка разбѣжалась.

По полученіи донесенія, командующій войсками вышелъ изъ палатки и тутъ же ночью лично приказалъ: подполковнику Глазавцову съ тремя сотнями идти къ отряду генерала Бардовскаго, и произвести рекогносцировку мѣстности. За ранеными командующій войсками отправилъ свой тарантасъ.

Въ шесть часовъ вечера, были привезены въ лагерь всѣ раненые, кромѣ подполковника Тихменева, который продолжалъ слѣдовать съ отрядомъ далѣе, по назначенію. Командующій войсками навѣстилъ полковника Иванова, который, между прочимъ, доложилъ, что когда они защищались, то ихъ весьма стѣсняли лошади, которыя рвались и не стояли на мѣстѣ; занятые стрѣлбою, казаки не могли удерживать лошадей, вслѣдствіе чего семь изъ нихъ вырвались и попали въ непріятеля.

У туркменъ оказалось двѣ лошади убитыхъ, да двѣ были захвачены казаками. Сами же туркмены, вѣроятно, понесли порядочный уронъ, но ни одного трупа, по обычаю азіатцевъ, не было оставлено на мѣстѣ. Командующій войсками, еще ночью, отправляя казаковъ, послалъ четыре георгіевскихъ креста казакамъ и джиги-

тамъ, но по личному ходатайству полковника Иванова, изъявлявъ свое полное согласіе наградить и остальныхъ.

29-го апрѣля. *Халь-ата*. Предсказаніе туземцевъ, какъ кажется, оправдывается: нѣтъ ни бурь, ни мятежей, даже нѣтъ вѣтра; за то духота страшная....

Часу въ третьемъ по полудни, посланные барономъ Аминовымъ, для узнанія новаго пути къ Аму-дарьѣ, джигиты возвратились и сообщили, что отъ теперешней нашей стоянки у Халь-ата, по направленію къ Аму-дарьѣ верстъ сто можно пройти, имѣя на пути вездѣ колодезную и даже, частію, ключевую воду. Но потомъ, все таки, до Аму останется еще восемь ташъ, т. е. 64 версты, безъ капли воды.

Между тѣмъ, сегодня же, подполковникъ Глазавцкій, возвратившись съ своими казаками съ рекогносцировки, привезъ изъ отряда генерала Бардовскаго, отъ начальника инженеровъ, на скоро карендашемъ написанную записку, въ которой онъ извѣщаетъ, что къ завтрашнему дню, 30-го апрѣля, на урочищѣ Адамъ-крыгганъ, гдѣ они находятся, будетъ открыто и изготовлено до двадцати колодезевъ съ водою, не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго и что, по собраннымъ свѣдѣніямъ и вторичнымъ распросамъ нашихъ джигитовъ, по всѣмъ соображеніямъ и комбинаціямъ, до Аму-дарьи отъ Адамъ-крыггана не должно быть болѣе 70 верстъ.... По полученіи этихъ свѣдѣній, командующій войсками, не полагаясь на вѣрныя позаназанія джигитовъ и туземцевъ, и не желая болѣе терять времени, въ этотъ же день отдалъ приказъ, чтобы въ ночь съ 29-го на 30-е число, отряду сняться съ бивака и слѣдовать къ колодезямъ Адамъ-крыгганъ. Всѣ въ отрядѣ просіали отъ радости, имѣя въ виду покинуть, наконецъ, Халь-ата и идти впередъ. Мы столько испытали невзгодъ на этой ужасной стоянкѣ, что и передать не возможно. Къ этой тяжелой обстановкѣ каждый день прибавлялись тревожные слухи о томъ, что дальнѣйшее движеніе до Аму-дарьи невозможно, что здѣсь въ Халь-ата только цѣточки, но далѣе, къ Аму-дарьѣ,—вотъ гдѣ будутъ ягодки. Тѣ самые джигиты и туземцы, которые дѣлали розыски, которые съ нами шли, всѣ до одного, сомнѣвались въ томъ, чтобы отрядъ могъ дойти до Хивы, или лучше сказать, пройти восемнадцативерстное пространство до Аму-дарьи по сыпучимъ пескамъ, при убійственной жарѣ и безъ капли воды.... Ни человѣкъ, ни верблюдъ, говорили они, не стерпятъ; не даромъ, урочище Адамъ-крыгганъ, въ переводѣ значитъ: человѣческая погибель!... При этомъ рассказывались страшныя легенды о происхожде-

ни этого названія; на этой мѣстности, по словамъ туземцевъ, отъ жары и безводья, занесенные пескомъ, не только погибали караваны, но, по старинному преданію, Адамъ-крылганъ былъ могилью бухарскихъ войскъ, погибшихъ здѣсь во время войны съ Хивою. Не придавая большаго значенія ни этимъ легендамъ, ни пылкости азіатской фантазіи, войска нашего отряда бодро и весело готовы были переносить всѣ невзгоды природы, лишь бы только идти впередъ.

30-е апрѣля. Колодцы Адамъ-крылганъ. Мы выступили съ позиціи Халъ-ата въ три часа ночи на 30-е апрѣля, въ составѣ девяти ротъ, одной конной батареи и 3,000 верблюдовъ. Кавалерія была оставлена съ тѣмъ, чтобы нагнать насъ на предпослѣднемъ переходѣ къ Аму-дарьѣ. Погода, какъ будто для нашего ободренія, съ самой ночи посвѣжела: задуть холодный вѣтеръ, такъ что конная артиллерія и главная квартира были одѣты въ пальто, но пѣхота слѣдовала въ гимнастическихъ рубашкахъ. Не успѣли мы отойти отъ Халъ-ата двухъ верстъ, какъ мѣстность стала измѣняться: пошли почти на каждомъ шагу возвышенности и овраги, спуски и подъѣмы. Песокъ былъ сыпучій и мягкій: артиллерійскія колеса на цѣлую четверть увязали въ немъ, оставляя глубокія колеи; лошадиная нога съ бабкой погружалась въ песокъ и это на пространствѣ, какъ въ то время опредѣляли, до 36 верстъ, отъ Халъ-ата до Адамъ-крылгана. Легко себѣ представить всю тяжесть этого похода для людей, лошадей и даже для верблюдовъ.... Благодаря Бога, свѣжесть ночи и воздуха несказанно облегчили походъ, и мы съ трехъ часовъ ночи безъостановочно шли до десяти часовъ утра, потому что переходъ этотъ, до Аму-дарьи, могъ быть совершенъ не иначе, какъ по самому тщательному расчету каждого марша. Въ десять часовъ утра стянулись на привалъ и отрядъ былъ остановленъ. Началось отихиваніе людей отъ пыли и песку, которому вторили отпашиваніе лошадей и ревъ верблюдовъ; эта смѣсь гармоній, или, вѣрнѣе, дисгармоній, долго оглашала пустынную окрестность и слышна была издавна. Солнце, по обыкновенію, начинало печь жесточайшимъ образомъ, духота усиливалась. Намъ давался шести-часовой привалъ на жгучемъ песку, подъ открытымъ небомъ; кругомъ насъ, на необозримой степи, всюду кололочки и затѣмъ ничего. Верблюды были развьючены и кормились колочкой; лошади же не имѣли никакого корма и ни капли воды. Имъ дали ячменя и, предъ выстуженіемъ въ привала, по порціи воды, т. е. по ведру, изъ турсуковъ: здѣсь мы, въ первый разъ приступили къ расходованію воды порціями изъ турсуковъ какъ для людей, такъ и для лошадей. Верблюдовъ со-

всѣмъ не поили, во-первыхъ потому, что они легко могутъ оставаться три дня безъ питья; и во-вторыхъ напоить всѣхъ 3,000 верблюдовъ, было невозможно: каждый верблюдъ выпиваетъ за одинъ разъ не менѣе пяти ведеръ.

Мы снялись съ привала въ четыре часа по-полудни, отдохнувъ нѣсколько часовъ. Дальнѣйшее слѣдованіе наше ничѣмъ особенно не отличалось: отрядъ шелъ подъ лучами жгучаго солнца по такому же однообразному песчаному пути, какъ и предшествующій. Въ седьмомъ часу вечера стада снѣдать жаръ и дыханію сдѣлалось нѣсколько легче, свободнѣе. Люди и животные приободрились и стали шагать какъ будто скорѣе...

Въ десяти часамъ вечера мы подошли къ урочищу Адамъ-крылганъ, гдѣ насъ встрѣтилъ генералъ Бардовскій. Тутъ мѣстность представляла совершенно особенную картину: повсюду казались нагроможденными, какъ бы нарочно, несмѣтными кучи песку, образовавшія высокіе песчаные холмы одинъ подлѣ другого; между ними впадины или довольно глубокіе овраги. Поэтому, позція для рас포ложѣнїя отряда оказалась довольно тѣсною, въ особенности при развѣдчїи тѣнущейся съ нами вереницы верблюдовъ. Войска размѣстились въ долинахъ, между холмами; только цѣлы и пикеты были выставлены на холмахъ. Хотя луна, какъ говорится, свѣтила полнымъ своимъ блескомъ, но, все-таки, ночное время, въ походѣ какъ и всюду, мѣшаетъ хорошенько ориентироваться и поудобнѣе устроиться. Арьергардъ присоединился къ намъ немного позже. По прибытіи на Адамъ-крылганъ, командующій войсками, не сходя съ коня, объѣхалъ весь бивакъ, въ сопровожденіи главной квартиры и своего конвоя. При этомъ, онъ благодарилъ нижнихъ чиновъ отряда генерала Бардовскаго за ихъ труды по вырѣзку колодезѣй и добыванію воды.

Прибывъ на Адамъ-крылганъ вмѣстѣ съ главною квартирою и объѣхавъ за командующими войсками всю позицію, я пошелъ на то мѣсто, гдѣ были расположѣны саперы, такъ какъ мѣсто главной квартиры было близко отъ нихъ. Ко мнѣ присоединился мой сынъ, адъютантъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, и еще кое-кто изъ товарищей, и наши гостепріимные друзья—саперы накормили и напоили насъ чаемъ за цѣлый день. Затѣмъ, дождавшись прибытія нашихъ верблюдовъ; пошелъ опять шумъ, возня, развьючиваніе этихъ кораблей пустыни, отыскиваніе мѣста для нихъ, разстановка палатокъ... Насытившись у саперовъ, я почувствовалъ, что усталость беретъ верхъ и меня сильно клонитъ ко сну. Тутъ меня взяло раздумье: радѣться, или нѣтъ? Сдѣлавъ такой переходъ и не предвидя возмож-

ности появленія непріятеля, о близости котораго не имѣлось никакихъ признаковъ, я рѣшился раздѣться и тотчасъ заснуть, какъ убитый.

Вдругъ, на утренней зарѣ, когда луна начинала уже потухать, саперный горнистъ до такой степени неистово затрубилъ тревогу, что я вскочилъ, какъ говорится, совершенно безъ памяти. Слуга мой уже подавалъ мнѣ платье, а татаринъ осѣдлалъ лошадей; я въ минуту былъ готовъ, и такъ какъ командующій войсками былъ близко, то вся главная квартира почти одновременно присоединилась къ нему. Князь Евгений Максимиліановичъ былъ однимъ изъ первыхъ подъѣхавшихъ къ главному начальнику войскъ, а чрезъ пять минутъ подсканкалъ и, страдавшій лихорадкою, Великій Князь Николай Константиновичъ.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ впереди, а мы всѣ за нимъ, группю переѣзжали съ холма на холмъ, такъ какъ вся мѣстность состояла изъ крутыхъ возвышенностей и спусковъ. Всакавши, по мягкому песку, на первый высокой холмъ, намъ всѣмъ чрезвычайно ясно было видно, во-первыхъ, всѣ наши войска, стройно стоявшія на своихъ мѣстахъ; а, во-вторыхъ, съ помощію занимавшей зари и потухающей луны, мы могли рассмотреть и непріятеля. Онъ то раздѣжалъ взадъ и впередъ, то собирался на мѣстѣ въ кучки, то внезапно бросался вскачь по направленію къ нашей позиціи, какъ будто дѣлая видъ, что хочетъ атаковать насъ; вѣроятно же онъ самъ сильно трусилъ выдвинутыхъ противъ его кучекъ стрѣлковыхъ взводовъ.

Переѣзжая, во главѣ своей свиты, съ одного холма на другой, командующій войсками совершенно спокойно рассматривалъ всѣ движенія непріятеля и дѣлалъ необходимыя распоряженія относительно высылки пѣхотныхъ частей впередъ, по направленію къ непріятелю; всѣ приказанія отдавались имъ тихо, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Тѣмъ большій контрастъ представляла его свита и адъютанты, скакавшіе въ разныя стороны для передачи приказаній главнаго начальника.

Туркмены, между тѣмъ, въ виду насъ, продолжали творить разнаго рода эволюціи: и стрѣляли и собирались въ кучки, потомъ пускались съ гикомъ вскачь къ нашей позиціи; но такъ только раздавался залпъ какого нибудь изъ нашихъ стрѣлковыхъ взводовъ, тотчасъ всѣ кучки разсѣивались во всѣ стороны. Я видѣлъ, какъ командующій войсками нѣсколько разъ отдавалъ приказанія Князю Евгению Максимиліановичу ѣхать къ выдвинутымъ взводамъ и давать

имъ направленія, соответственно измѣнявшимся движеніямъ непріятеля, и Его Высочество, всякій разъ, пускаясь съ мѣста во весь карьеръ, по крутымъ спускамъ и подъемамъ, съ быстротою и точностію исполнялъ возложенныя на него порученія.

Во время нашихъ переѣздовъ, на одномъ изъ фазовъ отряднаго расположенія, командующему войсками было доложено, что нѣсколько тюковъ отъ павшихъ дорогою верблюдовъ оставлены при небольшомъ прикрытіи, въ недалекомъ разстояніи отъ позиціи, и что, въ настоящее время, при появленіи непріятеля, они могутъ подвергнуться опасности. Командующій войсками позвонилъ къ себѣ генеральнаго штаба подполковника барона Каульбарса, обратившаго на себя вниманіе еще въ кунджинской экспедиціи, гдѣ онъ былъ раненъ въ рукопашной схваткѣ, и приказалъ ему взять одну изъ ротъ, чтобы отогналъ непріятеля отъ нашихъ тюковъ. Съ холма, на которомъ мы находились, видно было, какъ баронъ Каульбарсъ повелъ роту въ сомкнутомъ строѣ по направленію къ непріятелю, и затѣмъ, оставивъ одинъ взводъ на возвышенности, которая командовала мѣстностію, гдѣ находились наши брошенные тюки и отсталые верблюды, пошелъ съ другимъ взводомъ на встрѣчу туркменамъ, которыхъ и разогналъ нѣсколькими выстрѣлами.

Часу въ пятомъ утра, непріятель былъ окончательно разсѣянъ, такъ что ни одного человѣка не оставалось въблизи нашего расположенія.

1-ю мая. Бивакъ на Адамъ-крылганъ. Названіе, данное уроцишу Адамъ-крылганъ, занимающему песчаное пространство слѣшкомъ въ 60 кв. верстъ, въ переводъ значитъ «гибель человѣческая». Однако, къ тому мѣсту, гдѣ мы стояли и гдѣ отрядомъ генералъ-майора Бардовскаго были отрыты колодцы, нельзя было въ точности примѣнить ужасающаго значенія этого названія. Но намъ необходимо было сдѣлать впередъ; намъ нужно было, во чтобы ни стало, скорѣе перейти открывавшееся передъ нами безводное пространство. По сдѣланному расчету, основанному на имѣвшихся въ отрядѣ запасахъ, и на количествѣ состоявшихъ въ немъ людей и вьючныхъ животныхъ, весь переходъ этотъ надлежало совершить не иначе, какъ въ два раза; въ противномъ случаѣ результатомъ могла бы быть дѣйствительная гибель отряда.

Трудность предстоящаго перехода никого не обманывала: если движеніе наше отъ Халъ-ата къ Адамъ-крылгану, съ выдержанными лошадьми и оправившимися (на Халъ-ата) верблюдами, — и притомъ, по мѣстности, не могшей идти въ сравненіе съ тѣмъ, что насъ ожи-

дало впереди—было сопряжено съ большими тягостями, то возможно ли было питать увѣренность въ благополучномъ исходѣ нашего странствія по мертвой и знойной пустынѣ, и въ томъ, что всѣмъ намъ удастся увидѣть живыя воды Аму-дарьи? Притомъ, вчерашняя ночная тревога ясно показала намъ близость непріятеля, который не преминулъ бы воспользоваться предстоявшими намъ бѣдствами....

Командующимъ войсками рѣшено было выступить съ настоящего бивака у Адамъ-крыглана въ три часа ночи и слѣдовать, безъ ночлеговъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы, пройдя верстъ двадцать при наступленіи сильной жары, останавливаться часовъ на семь или восемь, и потомъ опять двигаться далѣе. Въ часть по-полуночи, на Адамъ-крыгланѣ былъ поданъ сигналъ подъема и выючки верблюдовъ. Въ третьемъ часу войска и верблюжий обозъ начали вытягиваться, перебираясь чрезъ безчисленное множество бархановъ; слѣдованія войскъ подобнаго настоящему, я полагаю, никогда не бывало. Люди, верблюды, артилерія утопали въ этомъ, по истинѣ, песчаномъ морѣ!... А отряду надо было идти по расчету, непремѣнно до девятаго часа утра. Когда же взошло солнце, а съ нимъ вѣбѣтъ наступила жара, то картина движенія нашего отряда приняла самый печальный колоритъ. Къ командующему войсками неоднократно приходили донесенія о страшной потерѣ верблюдовъ, валившихся сотнями, и о трудности движенія артилеріи. Генералъ фонъ-Кауфманъ, по временамъ, пропускалъ мимо себя войска, или самъ объѣзжалъ ихъ, и обозъ, не останавливая слѣдованія. Арьергарду было строжайше подтверждено, не останавливаясь въ пути, сжигать немедленно всѣ брошенные выюки, какъ казенные, такъ и частные. Опередивъ въ послѣдній разъ весь отрядъ, командующій войсками остановилъ авангардъ около десятаго часа утра съ тѣмъ, чтобы сдѣлать большой привалъ часовъ на шесть или на семь; во времени остановки авангарда, имъ было пройдено, по удостовѣренію съемочной партіи, 19 1/2 версты отъ Адамъ-крыглана. Остальные войска и части, конвоирующія обозъ, подходили постепенно, но крайне медленно, опаздывая нѣсколькими часами, такъ что арьергардъ пришелъ на привалъ съ послѣдними верблюдами обоза къ шести часамъ вечера (слѣдовательно восьмью часами позже главнаго отряда), оставивъ по дорогѣ, на пространствѣ 19 1/2 верстъ, около двухсотъ верблюдовъ.

Въ числѣ многихъ офицерскихъ верблюдовъ пали и мои два; на нихъ были мои вещи и два турсука, наполненные водою, для меня, двухъ моихъ слугъ и двухъ лошадей, по расчету на весь переходъ до Аму-дарьи. Верблюды мои были сильные, доказательствомъ чего

служить то, что, во все время похода, они всегда приходили на привалъ или ночлегъ изъ числа первыхъ, и никогда не отставали. Когда пали мои верблюды, то завѣдующій обозомъ объявилъ моимъ людямъ, чтобы они старались перевьючить наши вещи хотя бы на ранѣ пристаившихъ верблюдовъ, валяющихся по дорогѣ; въ противномъ случаѣ, какъ только подойдетъ арьергардъ, вещи тотчасъ будутъ сожжены. Измученные сами, люди мои подбирали по дорогѣ нѣсколько разъ и по нѣскольку верблюдовъ, брошенныхъ передовымъ обозомъ, на которыхъ и раскладывали мои вещи; но всѣ эти бѣдныя животныя, сдѣлавъ версту, полторы, вновь ложились, падали и уже поднять ихъ не было никакой возможности. Такимъ образомъ, слуга мой, съ нанатымъ мною татаринкомъ, понабирали и попеременяли десятковъ до двухъ верблюдовъ. Наконецъ, почти въ виду самаго арьергарда, изъ трехъ верблюдовъ, на которыхъ тащились мои вещи, два легли окончательно. Тогда завѣдующій обозомъ сдѣлалъ было уже распоряженіе о преданіи огню моихъ пожитковъ, но слуга мой, видя, что это уже было не простой угрозой, потому что въ его же глазахъ сожгали даже казенныя вещи, и не зная какіе предметы моего имущества онъ можетъ, безъ моего позволенія, предать истребленію, рѣшился выбросить часть вещей своихъ и татарина и, наконецъ, такъ какъ самое тяжеловѣсное, по его словамъ, были турсуки съ водою, то онъ и изъ нихъ выпустилъ воду!... Хотя почтенный мой Семенъ и сдѣлалъ это «по простотѣ сердечной», но этимъ самымъ онъ поставилъ насъ троихъ и моихъ лошадей въ прескверное положеніе... Люди мои пришли на привалъ, одновременно съ арьергардомъ, къ шести часамъ вечера и, такъ сказать, тащили за собой двухъ верблюдовъ съ моими вещами, но воды ни капли, а разстояніе до Аму-дарьи, по гадательнымъ расчетамъ, полагали еще верстъ въ шестьдесятъ.

2-е мая. Продолженіе слѣдованія отъ Адамъ-крыглана; большой привалъ. Положеніе мое и большинства всѣхъ насъ, въ шесть часовъ вечера 2-го мая, совершенно отвѣчало прозвищу Адамъ-крыглана, т. е. гибели человѣческой.... Я, мои двое спутниковъ и наши лошади оставались безъ капли воды и, вдобавокъ, безъ всякихъ перевозочныхъ средствъ!

Однако, какъ ли безнадѣжно было наше положеніе, но состояніе самаго отряда внушало еще болѣе тяжкія опасенія. Кромѣ сожженныхъ и зарытыхъ въ землѣ казенныхъ вещей, были брошены по дорогѣ, не доходя верстъ 10 или 12 до привала, и такіе предметы, безъ которыхъ отряду немисливо было обойтись, какъ, напримѣръ,

инженерный парк и артиллерійскіе снаряды. По распоряженію командующаго войсками, съ главной квартиры и съ пришедшихъ ранѣе на привалъ частей войскъ, немедленно было собрано до 100 болѣе вѣрливыхъ верблюдовъ, которыхъ тотчасъ и послали за оставленнымъ казеннымъ имуществомъ. Верблюды эти, дѣйствительно, доставили брошенное казенное имущество, но затѣмъ какъ сами они, такъ и остальные сотоварищи ихъ по отряду, еле могли передвигаться.

Въ такомъ положеніи, имѣя съ собою воды на какихъ-нибудь два дня, и не совершивъ даже полнаго перваго перехода, по расчету движения къ Аму-дарѣ, отрядъ не былъ въ состояніи слѣдовать далѣе; чувствуемый уже людьми и животными недостатокъ воды еще усугублялъ бѣдствіе!...

Представлявшійся для рѣшенія вопросъ могъ поставить въ тупикъ кого угодно. Слѣдовать впередъ, значило бы растерять остальныхъ истомленныхъ животныхъ и лошадей, а самимъ оставаться въ этой отверженной Богомъ мѣстности и ожидать мучительной смерти отъ жажды и изнуренія. Стоять тутъ, гдѣ намъ данъ привалъ, было физическою невозможностью. Вернуться же отряду вслѣдъ не приходило никому въ голову. Да и мыслимо ли было бросить незаконченнѣе дѣло, къ которому мы всѣ давно готовились, на которое съ напряженнымъ, а можетъ быть и съ злорадственнымъ, вниманіемъ устремлены были взоры всей Средней Азіи, и за исходомъ котораго съ рѣдкимъ интересомъ слѣдили въ Европѣ?...

Времени терять было нельзя. Не зная опредѣлительно, какъ велико еще разстояніе до Аму-дары и не удастся ли открыть гдѣ либо воду въ окрестностяхъ нашего расположенія, командующій войсками рѣшилъ пока не трогаться съ мѣста и приказалъ приступить къ рытью колодезь на самой позиціи. Не только солдаты, но и всѣ мы съ понятнымъ рвеніемъ принялись за работу. Увы! старанія наши были тщетны: вода не показывалась. Въ это время одинъ изъ отрядныхъ джигитовъ сообщилъ, что верстахъ можетъ быть въ семи отъ насъ, но въ сторонѣ отъ пути, ведущаго къ Аму, должны находиться колодцы съ водою. Джигиту была обѣщана большая награда, и этотъ смѣльчакъ, изъ преданности ли къ русскимъ, или сознавая, что и ему не миновать общей гибели, посканчалъ, часу въ восьмомъ вечера, при лунномъ свѣтѣ, отыскивать предполагаемые имъ колодцы. Каждый понималъ, что отъ успѣха этого джигита зависѣла участь всего отряда. А между тѣмъ предпріятіе его было крайне рискованное: будь онъ пойманъ туркменами, головѣ его не миновать мѣшка, а намъ предстояло бы еще худшее....

Пока молодецъ этотъ рыщетъ, я опишу состояніе моего личнаго положенія, по которому можно судить и объ остальныхъ.

Прибывъ вмѣстѣ съ главною квартирою и авангардомъ къ мѣсту привала въ десятомъ часу утра, я въ спокойномъ еще состояніи ожидалъ, что мои верблюды подойдутъ, можетъ быть, черезъ часъ или черезъ два, а пока пристроился къ сыну моему, который, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, также адъютантомъ генерала Кауфмана, майоромъ Адернасомъ, дѣлали походъ вмѣстѣ. Зная, что каждый изъ нихъ принасъ собственно для себя бутылочку, другую воды, я, не смотря на страшную сухость въ гортѣ, затруднявшую дыханіе, не рѣшился даже у сына попросить глотка изъ его бутылки. Вода у всѣхъ была рассчитана на дневную пропорцію какъ для себя и прислуги, такъ и для нашихъ лошадей; даже солдаты получали воду чаркою. Къ счастью, верблюды сына и Адернаса пришли часа черезъ полтора послѣ нашего прихода. Наставили чайникъ, и я съ наслажденіемъ выпилъ двѣ чашки чая съ кислотою.

Не спавъ почти двѣ ночи сряду—эту ночь и ночь тревоги, и пробывъ около сутокъ безъ пищи, я думалъ было заснуть; но внутреннее безпокойство въ ожиданіи появленія моихъ людей отгоняло отъ меня сонъ. Проходитъ часъ, другой, проходитъ три часа, а мои верблюды все не показываются. А тутъ, какъ нарочно, поминутно приходятъ донесенія о надежѣ верблюдовъ, о гибели офицерскихъ и казенныхъ вьюковъ. Въ отвѣтъ на это летятъ приказанія лечь и истреблять менѣе нужные вещи, а что найдено будетъ необходимымъ спрятать, то зарывать. Отправляютъ изъ авангарда и главной квартиры верблюдовъ за брошенными казенными вещами и, наконецъ, скачутъ въ аріергардъ самъ начальникъ отряда, генералъ Головачевъ.

Истомленный духотою, невыразимо страдая жаждою, не видя появленія моихъ людей послѣ шести часового ожиданія, я начиналъ приходить въ какое то убійственное нравственное состояніе.... Наконецъ, я воспрянулъ: съ подходомъ аріергарда къ мѣсту привала, я вдругъ увидѣлъ моего слугу, Семена, и татарина, еле-еле плетущихся, и тащившихъ за собой двухъ верблюдовъ. Эта минута была одною изъ самыхъ отраднѣе въ жизни. Но послѣ такой радости кто можетъ себѣ представить мое уныніе, когда люди объявили мнѣ, что они выжили воду изъ турсуковъ, побросали много своихъ вещей и часть моихъ?!

Наконецъ, послѣ долгихъ объясненій, мой Семенъ сказалъ, что онъ сохранилъ мнѣ двѣ бутылки воды, а третью выпилъ самъ съ татаринкомъ. Когда онъ подалъ мнѣ бутылку съ водою, обшитою

кошмою, я не могу сказать, что я чувствовал. Прильнув губами къ горлышку, я сталъ пить прямо изъ бутылки: вода была теплая, какъ изъ кострища, не смотря на то, я невольно хватилъ много; но потомъ, опомнился, съѣзъ на свой оставшійся тюкъ и сидѣлъ, какъ сидѣлъ Марій, на развалинахъ Карфагена.... Въ это время пошелъ сильный говоръ о томъ, что мы все-таки будемъ продолжать слѣдованіе и уйдемъ въ ночь; что приказано зарывать, истреблять и жечь всѣ лишнія вещи и что всѣ тяжести будутъ рассчитаны на наличное число годныхъ верблюдовъ; притомъ, чтобы не обременять этихъ обезсилившихъ животныхъ, рѣшено было, что каждый верблюдъ понесетъ половину того, что онъ несъ прежде, а пожалуй и того менѣе. Нѣкоторые предметы, дѣйствительно, стали зарывать въ землю, и вслѣдъ за тѣмъ, запалыли и истребительные костры. Я также, какъ и другіе, самъ сталъ отбывать свои вещи, предназначенныя мною къ уничтоженію: сперва зарылъ желѣзную кровать, потомъ съжегъ свой столикъ, табуретку, палатку, шинель, тюфякъ отъ кровати, нѣсколько кошемъ, оставивъ для себя только одну кошму и одну подушку и подъ конецъ истребилъ еще нѣсколько вещей изъ платья и даже изъ бѣлья....

Видъ отряда былъ довольно мрачный: изнуренная жарой и жаждой часть людей сидѣла въ задумчивости, ожидая чѣмъ разрѣшится наше положеніе, другая старалась найти во снѣ успокоеніе отъ физическихъ и нравственныхъ страданій. Картина эта освѣщалась блѣднымъ свѣтомъ луны, взшедшей въ одиннадцатомъ часу ночи надъ этой необозримой песчаной пустыней: она равнодушно взирала на то, что творилось, ни въ комъ не принимала участія, для всѣхъ одинаково свѣтила....

Вдругъ, съ песчаного холма, на которомъ стоялъ командующій войсками, съ главной квартирой, обѣщаетъ кто-то и, съ радостнымъ крикомъ, сообщаетъ, что посланный джигитъ возвратился, отыскавъ колодцы съ водою не далѣе семи верстъ отсюда!!! Нужно было видѣть тотъ моментъ, когда весь людъ всполошился и вскопчилъ съ своихъ мѣстъ, услышавъ вѣсть, приносящую съ собою и бодрость духа, и силы къ перенесенію новыхъ лишеній,—однимъ словомъ жизнь!

Извѣстіе это было привезено опять-таки человѣкомъ, который во весь походъ приносилъ намъ одну изъ самыхъ громадныхъ услугъ своими свѣдѣніями,—я говорю о нашемъ, такъ сказать, коловозомъ, подполковникъ генеральнаго штаба баронъ Аминовъ. Грѣшно было

бы не отдать ему полной справедливости, такъ какъ человѣкъ этотъ былъ по истинѣ мученикомъ своей походной дѣятельности.

Получивъ донесеніе объ открытій колодцевъ въ сторонѣ отъ нашего расположенія, командующій войсками командировалъ подполковника генеральнаго штаба барона Каульбарса, съ сотнею казаковъ и ротой 8-го линейнаго батальона, для занятія найденныхъ колодцевъ. Отряду приказано было выжиться и быть готовымъ къ выступленію въ первомъ часу ночи. Самъ же генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ съ главною квартирою и вся кавалерія, которая къ ночи прибыла къ намъ съ урочища Халъ-ата, опередили отрядъ и прибыли къ колодцамъ часа чрезъ полтора; отрядъ же со всѣмъ обозомъ подошелъ къ намъ лишь съ восходомъ солнца.

3-е мая, *Алты-кудукъ*. Подойдя къ колодцамъ, командующій войсками былъ встрѣченъ барономъ Каульбарсомъ, который доложилъ ему, что на Алты-кудукъ найдено шесть колодцевъ съ водою, изъ которыхъ одинъ засыпанъ, и всѣ глубиною отъ 16 до 20 сажень. Какъ бы то ни было, но находка эта была для отряда точно манною небесною въ пустынь.

Какъ дать понятіе о настоящей мѣстности? Та же нескончаемая степь, но только съ несравненно болѣе глубокимъ и рыхлымъ пескомъ; никакой растительности, ни травинки, ни маѣйшаго признака жизни.... Вся эта мѣстность вдоль и поперекъ пересекается барханами, оврагами и громадными наносами песку. Послѣдній до того здѣсь рыхлъ, что нога углубляется въ него, по крайней мѣрѣ, на четверть аршина, а когда подуетъ вѣтеръ, или заверещатъ ураганы, то мятель, вздымая песокъ, творитъ такую тьму, что застилается солнце.

Едва только войска размѣстились на бивакъ и колодцы были расpredѣлены между частями отряда, какъ толпы солдатъ обступили ихъ. Тотчасъ былъ водворенъ порядокъ: поставили часовыхъ, назначили офицеровъ дежурить у колодцевъ, а штабъ-офицеровъ главной квартиры наблюдать за посѣдовательнымъ порядкомъ отпуски воды въ части войскъ и разнымъ чинамъ отряда. Инѣшаяся въ турсукахъ вода была также роздана войскамъ какъ для варки пищи, такъ и для питья и поила лошадей, рассчитывая на то, что турсуки могутъ быть наполнены свѣжимъ запасомъ воды изъ колодцевъ на весь переходъ до Аму-дарьи.

Цѣлый день былъ занятъ добываніемъ и отпускомъ изъ колодцевъ воды. Вычерпываніе ихъ съ глубины до 20 сажень было весьма затруднительно, а между тѣмъ масса жаждущихъ солдатъ не давала

отбоа; независимо тѣхъ порцій, которыя отпускались въ части для варки пищи, начали отпускать уже воду по запискамъ изъ частей и по прилагаемымъ именнымъ спискамъ людей. Расходъ воды значительно превышалъ приходъ, т. е. накопленіе воды въ колодцахъ. Къ вечеру же убедились, что не только изнуренныя животныя не могли быть вдоволь напоены, но что сами люди находились въ ужасныхъ страданіяхъ отъ недостаточности отпускаемой имъ воды. Наконецъ, къ довершенію злополучія, докладывають, что завтра въ эту пору, т. е. къ ночи, въ колодцахъ не станетъ ни капли воды. Съ самого утра и въ продолженіе цѣлаго дня не переставали работать надъ разчисткою засыпаннаго колодца и надъ отрываніемъ новыхъ, но время прошло въ напрасныхъ тяжелыхъ трудахъ! Положеніе отряда становилось отчаяннымъ.

Какъ быть, что предпринять? Какъ выйти изъ этого опаснаго кризиса?!.. Сужденіямъ, толкамъ и пересудамъ не было конца; жаль только, что всѣ мнѣнія, въ этомъ случаѣ, были столь же различны, какъ различны сами люди, ихъ высказывавшіе.

Командующій войсками созвалъ тогда совѣтъ, на который собрались генералы, начальники частей, офицеры генеральнаго штаба и, можетъ быть, еще нѣкоторые изъ болѣе опытныхъ личностей въ отрядѣ. Не принадлежа ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, я не былъ приглашенъ, а потому достоверно и не знаю, что тамъ происходило, развѣ только по наслышкѣ. Результатомъ же совѣщанія было слѣдующее распоряженіе командующаго войсками: отправить въ ту же ночь всю кавалерію, всѣхъ артиллерійскихъ и офицерскихъ лошадей, всѣхъ верблюдовъ отряда съ турсуками и деревянною посудю, могущею выѣщать воду, двѣ стрѣльцовыхъ роты, одну роту 8-го баталіона и полроты саперовъ, подъ начальствомъ генерала Бардовскаго, на мѣсто прежней нашей стоянки на Адамъ-крылганѣ, гдѣ тѣмъ же отрядомъ генерала Бардовскаго, нѣсколько дней тому назадъ, отрыта была вода въ изобиліи.

Отправленіе этого отряда давало, во-первыхъ, возможность остающимся на настоящемъ бивакѣ войскамъ извлечь изъ имѣющихся здѣсь колодцевъ совершенно достаточное для нихъ количество воды, а во-вторыхъ, отправляемые на Адамъ-крылганѣ лошади и верблюды могли быть всѣ до-сыта напоены и, въ теченіе нѣсколькихъ дней отдыха тамъ, возстановить свои силы. Затѣмъ, наполнивъ водою всѣ турсуки и деревяннун посуду на Адамъ-крылганѣ, отрядъ генерал-маіора Бардовскаго долженъ былъ вернуться къ намъ обратно, съ тѣмъ, чтобы, напоивъ еще разъ лошадей изъ вѣдшихъ уже колод-

цевъ, немедленно выступить со всѣмъ туркестанскимъ отрядомъ въ Аму-дарьѣ.

Заканчивая сегодняшній дневникъ, я не могу не высказать удивленія тому, какъ человѣкъ, а въ особенности русскій, въ состояніи переносить, выпадающія иногда на его долю, тяжкія страданія и лишенія! Цѣлые дни находиться въ душливой атмосферѣ, ходить по раскаленнымъ, сыпучимъ пескамъ и подъ палачими лучами солнца, неся на себѣ ружье и амуницію, и не имѣя возможности утолить мучительную жажду,—воля ваша, это такое испытаніе, преодолѣть которое дѣлаетъ величайшую и неоспоримую славу нашему богатирю-солдату.

4-е мая, *Алты-кудукъ*. Отправленіе трехъ съ половиною ротъ, всей кавалеріи и всѣхъ артиллерійскихъ и офицерскихъ лошадей, съ верблюдами, на Адамъ-крылганѣ, даю возможность, на другой же день, возстановить силы оставшихся на настоящей стоянкѣ войскъ и всѣхъ насъ. Не слышно болѣе у колодцевъ людей, умоляющихъ объ отпускѣ имъ хотя бы одной чарки, одного глотка воды: всѣ стали получать ее въ достаточномъ количествѣ, не только для приготовления пищи, но и для питья. Тѣмъ не менѣе, вода продолжала отпускаться не иначе, какъ по опредѣленной для каждаго изъ чиновъ отряда порціи.

Къ полудню, отрядъ уже освѣжился, люди стали веселѣе и подвижнѣе. Къ вечеру, по приказанію командующаго войсками, перенесены были къ колодцамъ бывшіе съ нами понтоны, для наполненія ихъ водою, съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи Бардовскаго, немедленно напоить изъ понтоновъ всю массу лошадей и верблюдовъ и двинуться уже въ дальнѣйшій путь съ той водою, которая должна быть привезена въ турсукахъ и деревянной посудѣ съ Адамъ-крылгане. Цѣлую ночь продолжалось выкачиваніе воды изъ колодцевъ въ понтоны, и когда, отработавшая свой урокъ сѣтна возвращалась въ лагерь, то слышался уже веселый смѣхъ и солдатскія остроты на счетъ достатка воды: «пей, хоть до опьяненія!»...

5-го мая, *Алты-кудукъ*. Я проснулся сегодня въ восьмомъ часу утра: значительно подкрѣпивъ себя вчера утоленіемъ мучившей насъ всѣхъ жажды, я спалъ эту ночь какъ убитый, безъ просыпа, не взирая на то, что у меня нѣтъ уже ни кровати, ни тюфяка, ни другихъ принадлежностей, съ которыми люди привыкли соединять представленіе объ удобіи проведенной ночи.

Лежа на кошмѣ, разостланной на поверхности глубочайшаго песку, мы съ барономъ Каульбарсомъ предаемся кейфу; но невыразима

жара и духота одолеваетъ до послѣдней крайности. Меня сильно разбуриваетъ зависть и досада, что я не могу приспособиться и переносить всѣ лишения труднаго похода также бодро, какъ и баронъ Каульбарсъ. Хлѣба мы не имѣемъ уже около двухъ мѣсяцевъ; сухари, которыми мы питаемся, конечно, изъ хлѣба, но, все-таки, это далеко не то, что хлѣбъ. Правда, наши люди и солдаты достаютъ у сопровождающихъ насъ туземцевъ какія-то лепешки: это ничто иное, какъ блины, имѣющіе четверти полторы въ діаметрѣ, приготовленный иной разъ на салѣ, а большею частью на водѣ; поверхность его какъ бы вся въ узорахъ отъ салыныхъ пятенъ и прилипшаго песку, а когда лепешки эти зачерствѣютъ, то онѣ также удобобѣдны, какъ и всякая подошва. Не смотря на все мое желаніе, я не могъ проглотить куса этого мѣстнаго продукта; баронъ же Каульбарсъ ѣстъ эти лепешки съ наслажденіемъ.

У колодцевъ хотя, по-прежнему, много солдатъ, но уже не страждущихъ и жаждающихъ, а занятыхъ выкачиваніемъ воды и паливаніемъ ея въ понтоны. Унылость и изнуреніе исчезли съ лица всѣхъ. Сегодня, вечеромъ, по всему биваку слышны были пѣсни солдатъ, видно было, какъ они въ палаткахъ принялись за свои обычныя хозяйственныя занятія: кто чинилъ рубашку, кто сапоги, а кто прочищалъ свои ружья отъ пыли и нанесеннаго песку. Когда жаръ немного спалъ, у ставки командующаго войсками играла музыка 3-го стрѣлковаго баталіона; это чрезвычайно разсѣвало офицеровъ и подбодряло солдатъ, которые устроили нѣчто въ родѣ гулянья на музыкѣ.

Вечеромъ же приведены были съ одного даднаго колодца два оконенныхъ всадника, хорошо вооруженныхъ. Они были приняты за хивинцевъ или туркменъ, по потомъ оказалось, что это передовые люди каравана съ ячменемъ, посланнаго бухарскимъ эмиромъ командующему войсками. Мы всѣ были чрезвычайно рады, не столько ячменю, сколько верблюдамъ; потому что, если бы отъ насъ зависѣло, то, въ этомъ случаѣ, мы бы поступили какъ Осипъ въ «Ревизорѣ», который, принимая подарки отъ купцовъ, не упускалъ брать и веревочку, говоря, что въ дорогѣ и веревочка пригодится; а намъ-то какъ могли бы пригодиться верблюды для перехода къ Аму-дарѣ!

6-ю мая, *Алты-кудукъ*. Сегодня четвертый день, какъ отрядъ генерала Бардовскаго выступилъ отсюда на Адамъ-кырганъ. Въ эти дни состояніе оставшихся здѣсь войскъ значительно измѣнилось къ лучшему: вернулась прежняя веселость и увѣренность въ каждомъ человѣкѣ, и всѣ ждали съ нетерпѣніемъ возвращенія товарищей съ

Адамъ-кыргана, чтобы скорѣе направиться къ столь давно желанной великой рѣкѣ Средней Азіи. Тутъ же пришло и утѣшительное извѣстіе отъ генерала Бардовскаго о томъ, что кромѣ потери отъ изнуренія одной артиллерійской, двухъ казачьихъ лошадей и нѣсколькихъ верблюдовъ, отрядъ его дошелъ благополучно до Адамъ-кыргана; саперы отрыли тамъ еще не малое число колодцевъ, люди, повидимому, поправляются, и всѣ лошади и верблюды совершенно напоены. Всѣхъ колодцевъ на Адамъ-кырганѣ полагаютъ вырыть около 60, такъ что воды будетъ вполне достаточно для тѣхъ частей войскъ и транспортовъ, которые должны будутъ прибыть вслѣдъ за нами изъ Халъ-ата.

Между прочимъ, генералъ-маіоръ Бардовскій увѣдомлялъ, что прибытія на Адамъ-кырганъ транспорта съ провіантомъ онъ ожидаетъ сегодня, къ вечеру, а завтра 7-го числа, полагаетъ, принять его, и вечеромъ выступить къ намъ на присоединеніе. Это несказанно обрадовало всѣхъ насъ потому, что мы навѣрное рассчитывали, 8-го числа, въ ночь, двинуться со всѣми силами къ Аму-дарѣ.

Вслѣдствіе этихъ предположеній, командующій войсками призналъ необходимымъ командировать подполковника барона Аминова, съ полусотнею казаковъ отъ сборной сотни, подъ начальствомъ корнета Буренстамъ, по направленію къ Аму-дарѣ, для развѣдыванія предстоящаго намъ пути и сдѣланія легкой рекогносцировки мѣстности. Баронъ Амиковъ выступилъ сегодня, въ пять часовъ утра, и верстахъ въ семи отъ нашего бивака, боковыми патрулями его встрѣчилъ первоначально одинъ туркменъ, потомъ еще нѣсколько и, наконецъ, изъ-за бархана показалась кучка человѣкъ въ пятьдесятъ.

Баронъ Амиковъ поручилъ тотчасъ же нѣсколькимъ казакамъ захватить живьемъ, хотя бы одного туркмена; казакъ бросился въ догонку за неприязельскими всадниками. Корнетъ Буренстамъ, имѣя подъ собой хорошую лошадь, первымъ наскочилъ на туркмена и нанесъ ему ударъ саблей, который тотъ, впрочемъ, успѣлъ отпарировать, и во весь опоръ помчался на своемъ борзomъ армаганѣ; преслѣдуя его, корнетъ Буренстамъ выстрѣлилъ по нему три раза изъ револьвера, но не удачно. Скакавшій въ это время, на перерѣзъ туркмену казакъ, хотѣлъ его остановить, но получилъ легкій ударъ шапкою, что, однако, еще болѣе подзадорило казака, который все съ большею настойчивостію сталъ задерживать своего противника. Не надѣясь спасти бѣгствомъ, туркменъ выстрѣлилъ изъ ружья въ бокъ казаку, но пуля только скользнула по кожѣ, сдѣлавъ одну царапину; въ свою очередь и казакъ, раздраженный упорствомъ турк-

мена, и видя, что захватить его живымъ ему не удастся, пустилъ въ него свой зарядъ и положилъ турмена на мѣстѣ.

Во время этого же преслѣдованія шайки, одинъ урядникъ такъ лихо наскочилъ на турмена, что, не давъ ему опомниться, мигомъ выхватилъ у него ружье изъ рукъ. Остальные казаки, въ свою очередь, гнались за турменами, но не могли ихъ настичь, такъ какъ казаки лошади, изурюченные походомъ и лишеніями, далеко уступали въ быстротѣ свѣжимъ туркменскимъ арбанамъ; притомъ же, барону Аминову было приказано не увлекаться преслѣдованіемъ и не удаляться отъ лагеря.

Послѣ этого маленькаго эпизода, рассказы о которомъ нѣсколько разсѣяли нашу монотонную бивачную жизнь, остальной день прошелъ совершенно спокойно. Локась спать, мы утѣшали себя надеждою, что, съ небольшимъ черезъ сутки, къ намъ вернется отрядъ Бардовскаго и мы, наконецъ, распрощаемся съ Алты-кудукомъ.

7-е мая, *Алты-кудукъ*. Вчерашняя ночь служила нѣкоторымъ отдохновеніемъ послѣ дневныхъ страданій отъ страшной духоты и 45° зноя....

Съ ранняго утра начинается жизнь въ лагерѣ. Солдатики наши уже забыли о перенесенныхъ ими мукахъ, и идутъ на работы весело и бодро: въ ихъ группахъ слышится бойкій говоръ и хохотъ, перемѣшанный иногда съ тихою русскою пѣсней, которая какъ-то особенно многозначительно звучитъ въ этой мертвой средне-азиатской глуши. Утренняя прохлада, если только можно назвать прохладою одну духоту безъ убійственнаго дѣйствія солнечныхъ лучей, продолжается недолго; въ песчаной пустынѣ солнце не медлитъ вступать во все свои права, чтобы расцѣпляющимъ образомъ дѣйствовать на организмъ человѣка. Но, не смотря на изнурительный жаръ, работы идутъ безостановочно; я называю работами продолженіе выкачиванія воды изъ колодезевъ и наливанія ея въ понтоны.

Въ теченіе сегодняшняго числа, получено было съ нарочнымъ донесеніе генерала Бардовскаго, которое немного смутило насъ и заставило опасаться, что его отрядъ не соединится съ нами завтра, вслѣдствіе происшедшаго съ нимъ случая. Дѣло было такъ:

Вчера, 6-го числа, на утренней зарѣ, часовъ около четырехъ, пикетами генерала Бардовскаго замѣчено было приближеніе непріятеля двумя партіями, каждая, примѣрно, человекъ въ 200. Начальникъ отряда не велѣлъ даже трубѣ тревоги, а прямо выстроилъ отрядъ и выслалъ противъ каждой партіи по одному взводу. Вскорѣ къ двумъ туркменскимъ шайкамъ присоединилась еще третья, также

человѣкъ въ 200, а потому, въ промежутокъ между обоими взводами, выдвинутъ былъ еще одинъ, такъ что изъ трехъ взводовъ составила густая цѣпь. Туркмены, какъ сказано въ донесеніи, начали очень смѣло бросаться на цѣпь, но были отражаемы выстрѣлами стрѣлковъ; видно было какъ у нихъ падали люди и лошади, и какъ туркмены живо подхватывали своихъ убитыхъ и раненыхъ. Наконецъ, противъ непріятеля высланы были ракетная батарея и кавалерія; пущенными тремя ракетами вся эта нестройная толпа мгновенно разбѣжалась, такъ что кавалеріи нашей не удалось ударить на нее сомкнутымъ строемъ. Однако казаки, растянувшись сами въ длинную линію, пустились преслѣдовать туркменъ и гнали ихъ на разстояніи четырехъ верстъ, по ужасному песку. Дѣло это, какъ доноситъ генералъ Бардовскій, продолжалось 2½ часа, что болѣе, или менѣе доказываетъ упорство туркменъ. Пѣнными было взято два человѣка, изъ которыхъ одинъ раненый; убитыхъ туркменскихъ лошадей насчитано до 47, но человеческихъ труповъ не найдено, — всѣ, вѣроятно, были увезены.

Когда подвели пѣнныхъ, первыми словами ихъ была просьба дать имъ напиться, такъ какъ они уже три дня были безъ воды, потому что всѣ колодези въ этой страшной степи были заняты нами. Въ этомъ и заключалась причина, почему они, зная, что отрядъ нашъ раздѣлился, рѣшили такъ храбро атаковать занимаемые нами колодези; здѣсь, сдѣловательно, шла борьба за существованіе. По словамъ пѣнныхъ, нападавшая партія была подъ начальствомъ извѣстнаго своей отвагою и злѣйшаго врага русскихъ, киргиза Садыма; безпокоившія же насъ прежде партіи были не подъ его начальствомъ. Разстояніе отъ Адамъ-крыгана до Аму-дары, какъ увѣряютъ туркмены, не болѣе сорока верстъ, такъ что отъ нашей собственно стоянки, Алты-кудука, остается до рѣки съ небольшимъ сорокъ верстъ, что было для насъ весьма утѣшительно. Далѣе, пѣнные показали, что, не доходя Аму-дары, на урочищѣ Учъ-чучакъ,* находилось недавно до 4,500 человекъ хивинскаго войска. Но когда ханъ узналъ о приближеніи оренбургскаго отряда къ Кунграду, то одна тысяча была отдѣлена отъ нихъ и послана на усиленіе войскъ, защищающихъ сѣверную часть ханства, такъ что собственно насъ ожидаютъ только 3,500 человекъ, готовыхъ дать намъ отпоръ. Мы же ждемъ лишь прибытія генерала Бардовскаго, чтобы выбраться изъ этой песчаной, безводной мѣстности, а тамъ, будь хивинцевъ хоть 30,000.

8-го мая, *Алты-кудукъ*. Съ самаго ранняго утра хотя солнце Т. LXLI. Отд. I

и подпекало по обыкновению, но дулъ вѣтеръ и довольно свѣжій. Къ полудню же погода стала пасмурною, небо покрывалось тучами, но безъ всякаго результата: а какъ мы всѣ жаждали дождя и какое бы это было для насъ благодѣяніе! Какъ мы жалѣли, что до сихъ поръ не возвращается отрядъ генерала Бардовскаго и мы упускаемъ такое великолѣпное время для марша.

Среди дня, наконецъ, получилось донесеніе генерала Бардовскаго, что завтра, 9-го числа, къ восьми часамъ утра, онъ присоединится къ намъ съ отрядомъ и приведетъ съ собою транспортъ провіанта, котораго ждалъ на Адамъ-крыганахъ. Послѣ полудня, погода нисколько не измѣнилась, но вѣтеръ сталъ все усиливаться и скоро поднялась муть. Наконецъ, по старой памяти, хватилъ такой ураганъ, что лагерь, палатки, тюки, ружья въ козлахъ и весь людъ, все покрылось песчанымъ, густымъ туманомъ, какъ будто кисеею. Не придумаешь выраженій, которыми можно было бы достаточно ярко изобразить картину песчаной мутнѣ въ степи. Если, какъ повѣствуютъ, караваны бывали засыпаемы горами песка, и погибали подъ ними, то этому, по истинѣ, можно вѣрить.

Испеченные ежедневно солнечнымъ жаромъ, истомленные духотою, засыпанные пескомъ, мы провели всю ночь среди невообразимаго хаоса, лежа не трогаясь съ мѣстъ, накрытые кошмами и чѣмъ только попадо, оставаясь съ самаго полдня безъ ѣды; такъ какъ не только невозможно было развести огня или что либо приготовить, но рѣшительно ни за что нельзя было встать.

9-го мая. *Выступление съ Алаты-кудука.* Утро 9-го числа было свѣжее и хотя вѣтеръ дулъ, но урагана не предвѣщало. Мы встали, обсыпанные пескомъ, которымъ, въ особенности, занесены были глаза, что не мало тревожило меня. Я хотѣлъ было умыться, но Семетъ мой объявилъ мнѣ, съ какимъ-то особенно рѣшительнымъ тономъ: «Нѣтъ-съ, воля ваша, нельзя; воды потомъ не хватитъ». *Могъ ли я вообразить, что мнѣ придется испытывать когда либо нѣчто подобное: дрожать изъ за стакана воды, да въдь какой? которую всякій дворникъ у насъ принялъ бы за помой. Я все-таки велѣлъ намочить себѣ полотенце и отеръ глаза.

Чай, который въ это утро подали мнѣ съ барономъ Каульбарсомъ, былъ желто-бурый и смахивалъ на какой-то кофе, солено-кисловатого вкуса. Мы спросили человѣка, отчего бы это было? Онъ отвѣчалъ, что сегодня, послѣ урагана, вся вода такая, и никакъ не можеть отстояться.

Часовъ около восьми утра, прибылъ къ намъ въ лагерь и гене-

ралъ Бардовскій, съ отрядомъ и съ транспортомъ провіанта; посланные съ нимъ верблюды, артилерійскія и офицерскія лошади вернулись также съ отрядомъ. Къ сожалѣнію, нѣсколько лошадей не могли оправиться отъ долговременнаго изнуренія и погибли; въ томъ числѣ пала и моя лошадь. Верблюдовъ же, въ эти пять дней, погибло значительное количество. Тѣ же изъ нихъ, которые прибыли къ намъ, хотя отчасти оправившись отъ даннаго имъ отдыха и были вдоволь напоены, но все еще были слабы и число ихъ оказывалось уже недостаточнымъ для поднятія тяжестей всего отряда.

Теперь намъ уже нечего было терять ни минуты и съ заготовленнымъ запасомъ воды надо было скорѣе спастись изъ этихъ песковъ и идти къ Аму-дарѣ. Командующій войсками, первоначально, полагалъ двинуться всѣми силами, но, по полученіи отъ начальниковъ частей свѣдѣній, о количествѣ и состояніи верблюдовъ, рѣшилъ оставить на Алаты-кудукѣ двѣ роты пѣхоты, дивизионъ конной артилеріи и большое количество тяжестей. Мѣра эта была чрезвычайно полезною въ томъ отношеніи, что выступающій отрядъ, за ослабленіемъ его только двумя ротами и однимъ дивизиономъ артилеріи, былъ, все-таки, на столько силенъ, чтобы не опасаться встрѣчи съ какимъ-бы то ни было противникомъ, а между тѣмъ, верблюды, взятые отъ остающихся на Алаты-кудукѣ частей войскъ и тяжестей, служили большимъ подспорьемъ для дѣйствующаго отряда, и, на случай падежа вьючныхъ животныхъ, представляли достаточный запасъ для замѣщенія ихъ.

Итакъ, кромѣ двухъ ротъ пѣхоты и дивизиона артилеріи, мы, въ три часа пополудни, сего 9-го числа, снялись съ бивака на Алаты-кудукѣ и двинулись по направленію къ Учъ-чучаку и Аму-дарѣ. Какъ только подошелъ часъ къ выступленію, погода совершенно разъяснилась, солнце начало жечь и воздухъ, по прежнему, сдѣлался удушливымъ. Слѣдованіе отряда, въ особенности артилеріи, по глубочайшему песку, пересѣкаемому бесчисленными барханами, спусками и подъемами, было невообразимо тяжелое: люди и лошади еле тащились. Видны были неимоверныя усилія, которыя напрягали бѣдныхъ животныхъ, чтобы освободиться, вырваться изъ этого вязкаго, раскаленного грунта. Солдаты тянулись съ весьма бодрымъ духомъ; видно было общее усердіе и рвеніе скорѣе добраться до Хивы. Идя подлѣ орудій, чуть только замнутъ лошади, всѣ, не ожидая приказаній, и передавая ружья товарищамъ, бросались помогать и тащить за ямки. Верблюды, однако, крайне уставали и ихъ опять перепало не малое количество, но, на этотъ разъ, падающіе замѣнялись тотчасъ свѣ-

жими верблюдами изъ запаса, почему ни одного тюка не было брошено. Взамѣнъ падшихъ моихъ двухъ верблюдовъ, по приказанію начальника отряда, выдали мнѣ одного казеннаго, на которомъ и дотащились всѣ мои пожитки.

Съ заходомъ солнца, слѣдованіе наше несравненно облегчилось и, къ девяти часамъ вечера, мы благополучно прибыли на ночлегъ, сдѣлавъ 17 верстъ съ трехъ часовъ по полудни.

Истомленный жарой, я совершенно потерялъ аппетитъ и меня ежеминутно позывало къ питью, тѣмъ болѣе, что ротъ, горло, языкъ совершенно пересохли. Но теперь я имѣлъ при себѣ спасительное средство: къ сѣдлу моей лошади привязана была бутылка, обтянутая кошмой и наполненная холоднымъ чаемъ, безъ сахара, съ кислотою; къ ней-то я, то и дѣло, прилаживался во все время перехода. По приходѣ на ночлегъ, я все таки велѣлъ поставить чайникъ и выпить двѣ чашки чаю; болѣе этого ни я, ни баронъ Каульбарсъ не смѣли выпить, потому что надо было подѣлиться изъ того же чайника съ нашими людьми. Вода у всѣхъ насъ была по опредѣленному ранѣе расчету, такъ что и наши бѣдныя лошади не могли быть напоены, и лишь на другой день, по сдѣланію новаго перехода, онѣ, наравнѣ со всѣми казенными лошадьми въ отрядѣ, получили въ награду за свое долготерпѣніе по ведру воды.

Лагерь подъ Хивою
29-го мая 1873 года.

Полковникъ Колокольниковъ.

(Продолженіе будетъ).

II.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Осада большихъ крѣпостей въ будущемъ (Militär-Wochenblatt).

Въ берлинской военной газетѣ «Militär-Wochenblatt» помѣщена весьма интересная статья о новыхъ основаніяхъ веденія крѣпостной войны вообще, сообразно тѣмъ существеннымъ, кореннымъ измѣненіямъ условій этого дѣла, которыя, въ извѣстной степени, уже начинаютъ выясняться для будущаго изъ опыта послѣднихъ большихъ войнъ.

Въ сочиненіи «Идеи объ осадѣ» («Ideen über Belagerungen»), вышедшемъ изъ-подъ пера принца Гогенлоэ-Ингальфингенъ, высказана, между прочимъ, мысль, что хотя данныя, вытекающія по этому дѣлу изъ богатаго опыта новѣйшаго времени, еще не на столько разработаны, чтобы представить собою законченную теорію крѣпостной войны будущаго, но что тѣмъ не менѣе весь этотъ опытъ убѣдительно доказываетъ, что осада крѣпостей будетъ и должна производиться на новыхъ началахъ. Въ настоящее время, еще не имѣется весьма важной данной, именно изслѣдованія о правильныхъ осадахъ большихъ крѣпостей, какъ, напримѣръ, Парижа. Въ послѣднюю войну мы видимъ Страсбургъ, совершенно устарѣлую крѣпость, а передъ Мецомъ и Парижемъ только обложеніе этихъ крѣпостей, а не правильную осаду. Хотя осада Бельфора и представляетъ собою приблизительную картину атаки современнаго укрѣпленнаго лагера, тѣмъ не менѣе и эта осада не выясняетъ дѣла вполнѣ, такъ какъ форты этой крѣпости обнимали слишкомъ малый районъ, вслѣдствіе чего

Т. LXIII. Отд. II.

175.5-1.
ВОЕННЫЙ

СБОРНИКЪ

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

№ 9

СЕНТЯБРЬ

1873

ствія; 12-ти или 15-дневный возился за войсками, а 5-ти или 8-дневный люди имѣли на себѣ.

Изъ повозокъ всего болѣе въ употребленіи находились: квартирмейстерскіе вагоны и маленькія госпитальныя повозки. Для перевозки войсковыхъ, офицерскихъ и штабныхъ тяжестей, фуража, мундирныхъ, лагерныхъ вещей и даже боевыхъ запасовъ употреблялись почти, исключительно, квартирмейстерскія повозки. 5-ти или 8-дневный запасъ продовольствія носился людьми въ ранцахъ и въ мѣшкахъ; скотъ для мясныхъ порцій гнался за колоннами. Каждая повозка везла, на нѣсколько дней, фуражъ для своихъ муловъ. Квартирмейстерскіе вагоны слѣдовали въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ войскъ, чтобы не стѣснять ихъ движенія; при войскахъ же непосредственно находились легкія госпитальныя повозки на ресорахъ, запряженные парю лошадей; повозки эти, отвезя назадъ больныхъ, возвращались къ войскамъ, обыкновенно нагруженные провіантомъ, патронами, шанцевымъ инструментомъ и проч., получаемыми ими изъ большого транспорта. Всѣ обозы находились въ вѣдѣніи квартирмейстерской части, имѣвшей весьма обширные размѣры. Общая картина движенія принимала часто слѣдующій характеръ: армія медленно подвигалась впередъ, приучивая свое движеніе или къ морю, или къ обширной рѣкѣ. Значительный флотъ, нагруженный всѣми видами довольствія, сопровождалъ ея движеніе, а многочисленная канонерская флотилія охраняла этотъ транспортъ.

Быстро поднимались по рѣкамъ и ихъ притокамъ, канонерки очищали путь для судовъ, слѣдовавшихъ за ними, чтобы образовать склады разныхъ видовъ довольствія. Изъ этихъ магазиновъ нагружался большой войсковой транспортъ и, въ свою очередь, снабжалъ легкія госпитальныя повозки, подходившія отъ войскъ. Большой транспортъ, снабдивъ войска всѣмъ необходимымъ, приближался снова къ флоту, поднимавшемуся къ нему на встрѣчу. Часто роль флота играли желѣзныя дороги, и тогда можно было наблюдать столь же характеристическую картину движенія арміи, какъ и предъидущая (*).

(Окончаніе будетъ.)

3-й конно-артиллерійской бригады
штабс-капитанъ Пузыревскій.

(*) Опытъ американской войны убѣдилъ, что для возки тяжестей, мулы гораздо лучше лошадей, почему послѣднія и были переданы въ кавалерію и артилерію.

ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ ХИВУ ВЪ 1873 ГОДУ.

ОТЪ ДЖИЗАКА ДО ХИВЫ.

(Погодный дневникъ).

(Окончаніе) (*).

10-е мая. Ночлегъ на пути къ Учъ-чучаку. Съ разсвѣтомъ, мы тронулись впередъ. Идти было лучше потому, что не было еще ни жары, ни духоты, когда мы выступили; но съ другой стороны, глубочайшій песокъ представлялъ страшныя трудности для слѣдованія войскъ. Мы шли съ четырехъ до девяти часовъ утра и подъ конецъ стали чувствовать порядочную усталость, вслѣдствіе усилившейся духоты. Въ девять часовъ командующій войсками остановилъ движеніе, стянулъ всѣ части, и отрядъ расположился на отдыхъ, сдѣлавъ 11 верстъ. Мы составили каре, въ средину котораго помѣщены были развьюченные верблюды; здѣсь намъ дали шестичасовой привалъ, въ продолженіе котораго люди отдохнули, погладили сухарей, запивая отфильтрованную дозою воды и, на сколько было возможно, покормили животныхъ.

Въ третьемъ часу по полудни, мы выступили съ привала, напивъ предварительно лошадей изъ турсуковъ, а верблюдовъ оставивъ безъ поила, по неимѣнію для нихъ воды, и рассчитывая, что они могутъ обойтись безъ нея до выхода на Аму-дарью. Пройдя около пяти верстъ, отрядъ нашъ былъ остановленъ для ночлега, хотя въ первоначальныя предположенія командующаго войсками и не входило дѣлать такой малый переходъ. Причина же нашей преждевременной остановки въ этотъ день заключалась въ слѣдующемъ: вскорѣ послѣ выступленія съ привала стали замѣчать частое появленіе одиночныхъ непріятелей въ разныхъ направленіяхъ. Начальникъ отряда,

(*) См. № 8 «Воен. Сборн.»

генераль Головачевъ, первый, замѣтившій близость непріятеля, подѣхалъ къ командующему войсками, и вслѣдъ за тѣмъ мы увидѣли какъ онъ понесся со своею свитою впередъ. Версты черезъ двѣ, генераль Головачевъ остановился съ своимъ штабомъ и коновомъ на довольно большой возвышенности и значекъ постѣднго былъ, какъ будто съ намѣреніемъ, выставленъ къ нашей сторонѣ, т. е. къ сторонѣ отряда.

Командующій войсками, замѣтивъ начальника отряда, остановившагося на возвышеніи, нежиданно для всѣхъ насъ и въ первый разъ за все время похода, вдругъ пустилъ свою лошадь большою рысью; за нимъ, конечно, пустились и мы; но такъ какъ онъ ѣхалъ крупною рысью, то намъ, по большей части, пришлось гнаться за нимъ вскачь. Не добѣжавъ съ полверсты, или не много болѣе, до той возвышенности, на которой ожидалъ насъ генераль Головачевъ, мы почти тѣмъ же алоромъ внезапно спустились, по довольно крутому обрыву, въ обширную песчаную ложину, прѣхавъ которою, поднялись на противоположный ей берегъ и присоединились къ начальнику отряда.

Съ крутой возвышенности, на которой мы стояли, намъ въ первый разъ удалось увидѣть непріятеля въ большихъ массахъ, саженьхъ въ шести или семистахъ отъ насъ; казалось, онъ съ большою увѣренностію намѣревался противустать намъ.

Командующій войсками, признавая неудобнымъ начинать дѣло вечеромъ и, находя мѣстность весьма подходящею для расположенія на почтѣ, приказалъ стягивать войска по мѣрѣ ихъ приближенія. На возвышенности, гдѣ мы находились, расположили 1-ю роту 1-го стрѣлковаго баталіона. Къ правому флангу этой роты у самого обрыва, или спуска къ узенькой дорожкѣ, которая раздѣляла нашу возвышенность отъ такой же другой, взвели одно орудіе коннаго дивизіона батареи подполковника Перелыгина; дивизіонъ этотъ, во время марша, слѣдовалъ именно по этой узкой тропѣ, раздѣляющей двѣ помянутыя возвышенности. На самой тропѣ было поставлено второе орудіе, а на покатоистъ съосѣдней возвышенности установлены были остальные два орудія коннаго дивизіона и двѣ картезины, которыя примыкали къ лѣвому флангу 2-й стрѣлковой роты того же 1-го баталіона, расположенной на второй возвышенности, и на одной линіи съ 1-й стрѣлковою ротою. Линія эта составляла передній фасъ нашего расположенія, обращенный фронтонъ къ появившемуся предъ нами непріятелю. Остальные фасы составляли: правый—одна саперная и двѣ роты 4-го стрѣлковаго баталіона;

задній фасъ—двѣ роты 2-го стрѣлковаго баталіона и два горныхъ орудія и, наконецъ, лѣвый фасъ—одна рота 8-го и двѣ роты 4-го линейныхъ баталіоновъ. Кавалерія, въ количествѣ 7 сотень, находилась вся за заднимъ фасомъ.

Командующій войсками, вся главная квартира, начальникъ отряда, штабы и весь обозъ расположились въ той обширной ложинѣ, изъ которой мы поднялись на возвышенность, указанную генераломъ Головачевымъ, т. е. почти у самого подъема къ переднему фасу. Я, подполковникъ баронъ Каульбарсъ и сотникъ баронъ Штакельбергъ расположились все вмѣстѣ на самой возвышенности, въ нѣкоторомъ разстояніи позади 1-й стрѣлковой роты, и такъ какъ вечеръ былъ очень теплый, то мы ночевали подъ открытымъ небомъ.

Какъ только успѣли установить войска въ каре, и выставить передъ каждымъ фасомъ пикеты, непріятель открылъ по постѣднимъ ружейный огонь. Наши отвѣчали, конечно, съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ ихъ противникъ, такъ какъ убивали у него и лошадей, и всадниковъ; при каждомъ такомъ случаѣ, перестрѣлка умолкала, потомъ вновь возобновлялась и хотя изрѣдка, но продолжалась, съ самого вечера, почти во всю ночь.

При наступленіи вечерней зори, когда было еще довольно свѣтло, начальникъ отряда просилъ позволенія командующаго войсками съ зоревой пушкой послать непріятелю гостинецъ, но генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ не разрѣшилъ этого, и выстрѣлъ былъ сдѣланъ холостымъ зарядомъ. Туркмены, слыша сильный ударъ изъ орудія, обращенный въ ихъ сторону, но не чувствуя никакого вреда отъ него, полагали, вѣроятно, что наши выстрѣлы столь же неудачны, какъ и ихъ; намъ показалось, что они еще болѣе пріободрились послѣ того, такъ какъ не переставали понаивать во всю ночь, думая этимъ пугать насъ.

Я сталъ было уже засыпать, какъ внезапный свистъ пули надъ головою заставилъ меня проснуться; полагая, что непріятель, быть можетъ, приблизился къ намъ, я всталъ и подошелъ къ 1-й ротѣ стрѣлковъ и къ орудію. Но, кромѣ часовыхъ, все лежало, и на мой вопросъ артиллерійскій часовой отвѣчалъ: «дурать, ваше высокоблагородіе, собаки». Черезъ нѣсколько времени я вторично услышалъ такой же свистъ, но уже лѣнь было встать; я только прислушался, не встали ли наши, а потомъ заснулъ и проснулся только тогда, когда ударили подъемъ.

11-е мая. Близъ урочища Учъ-чунакъ. Часу въ четвертомъ утра все стали подниматься и тотчасъ вычлѣться. Выстрѣловъ съ

неприятельской стороны уже не было слышно; однако, туркмены виднѣлись въ большихъ массахъ за дымившимися еще кострами, которые они развели съ вечера на большомъ пространствѣ, съ цѣлью, вѣроятно, устрашить насъ своею кажущеюся многочисленностью. Мы также производили свои сборы къ выступленію съ ночлега при догорающихъ огняхъ. Я, бароны Каульбарсъ и Штапельбергъ остались безъ чая собственно потому, что, находясь въ совершенномъ невѣдѣніи относительно величинъ разстоянія до первой воды, мы берегли ее для нашихъ лошадей.

Какъ только все было готово въ лагерѣ, командующій войсками выѣхалъ на передній фасъ къ 1-й стрѣлковой ротѣ, повдоровался съ людьми и, обозрѣвъ неприятельскую позицію, сдѣлавъ распоряженіе о немедленномъ наступленіи.

Движеніе наше произведено было почти въ томъ же порядкѣ, въ какомъ мы были расположены на ночлегѣ, т. е. въ наре, съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что упомянутыя двѣ роты 1-го стрѣлковаго баталіона, выславъ въ цѣпь по одному взводу, двигались за цѣпью въ сомкнутомъ строю; въ промежуткѣ между ротами шла казачья полусотня. За этой передовой линіею ѣхали командующій войсками, вся главная квартира и начальникъ отряда, генералъ Головачевъ, со своей свитой. Вслѣдъ за передовой линіею, по той дорогѣ, которая, какъ я выше сказалъ, раздѣляла одну возвышенность отъ другой, слѣдовалъ дивизионъ конной артиллеріи въ одно орудіе, за нимъ двѣ картечины и правѣ ихъ—два горныхъ орудія, выдвинутыя нѣсколько впередъ. За артиллерію наступали по-ротно, во взводныхъ колоннахъ, саперная рота и рота 2-го баталіона, а немного правѣ, собственно за горными орудіями, слѣдовала стрѣлковая рота 8-го баталіона. Поводи этихъ частей войскъ двигался весь вьючный обозъ, въ количествѣ слишкомъ 1,200 верблюдовъ, въ большой, но, на сколько возможно, сжатой колоннѣ. Правая сторона обозной колонны была прикрыта одною ротою 4-го стрѣлковаго баталіона, изъ которой былъ разсыпанъ въ цѣпь одинъ взводъ, и цѣпь эта соединялась съ цѣпью передняго и задняго фасовъ. Другой же взводъ этой стрѣлковой роты слѣдовалъ въ сомкнутомъ строю по-полувзводно: одинъ полувзводъ равнялся съ головою колонны обоза, а второй—держался на линіи середины обоза. Далѣе, за этими сомкнутыми полувзводами шло пять полусотенъ казаковъ, полусотня за полусотнею, на такихъ дистанціяхъ, что послѣдняя, или пятая полусотня равнялась съ хвостомъ колонны обоза. Лѣвая сторона обоза была прикрыта точно такимъ же порядкомъ, одною ротою того же 4-го стрѣлковаго баталіона и $4\frac{1}{2}$ сотнями казаковъ; изъ этой

стрѣлковой роты одинъ взводъ также былъ вызванъ въ цѣпь, прикрывая лѣвую сторону колонны обоза и соединяясь съ цѣпью передняго и задняго фасовъ. Послѣдній фасъ, или хвостъ колонны, былъ прикрытъ одною ротою 2-го линейнаго баталіона, одинъ взводъ которой былъ разсыпанъ въ цѣпь, и фланги его смыкались также съ флангами цѣпей, прикрывавшихъ правую и лѣвую стороны обозной колонны. Наконецъ, самый хвостъ колонны замыкался взводомъ горныхъ орудій. Такимъ образомъ, вся громадная масса обоза была охвачена со всѣхъ сторонъ цѣпью стрѣлковъ, а въ срединѣ его находились части войскъ въ сомкнутомъ строю, всегда готовые отразить всякое нападеніе неприятеля.

Только что у насъ былъ данъ сигналъ къ движенію впередъ и мы тронулись съ мѣста, какъ тотчасъ же завязалась перестрѣлка въ цѣпи. Туркмены затѣяли эту стрѣлбу, какъ бы имѣя въ виду занять насъ ею, а между тѣмъ было ясно, что они собирались въ разныя кучки противъ всѣхъ нашихъ фасовъ. Всѣ свои эволюціи они довершили тѣмъ, что вдругъ стали бросаться на насъ въ атаку съ умаснѣвшими криками, весьма неприятно дѣйствующими, въ первое время, на нервы. Самые сильные нападенія, какъ мнѣ казалось, были произведены на задній и правый фасы колонны и на правый уголъ передняго фаса. Всякій разъ, какъ неприятель бросался на нашъ отрядъ, онъ былъ встрѣчаемъ учащенною стрѣлбою цѣпи, а сомкнутые полувзводы поражали его залпами. Кромѣ того, когда туркмены собирались въ болѣе значительныя массы для нападеній, тогда пускался въ ходъ орудійный огонь, который разметаъ ихъ скопища, какъ щепки.

Въ томъ же порядкѣ мы продолжали тѣснить неприятеля, подаваясь все впередъ, хотя и не скоро, потому собственно, что верблюды, и безъ того отстающіе при обыкновенномъ движеніи, могли бы, во время боевого марша, растянуться еще болѣе и затруднить наше савданіе.

Такимъ образомъ, мы продолжали наступать, отбивая туркменскія нападенія, обходящіеся имъ каждый разъ весьма дорого, и не замѣчая, какъ проходило время. Сдѣлавъ около 9 верстъ, мы вдалекѣ увидели огромную массу воды, которую первоначально приняли было за рѣку Аму-дарью. Но оказалось, что это еще не она, а большое озеро, называемое *Сардаба-кулъ*. Можетъ ли представить себѣ кто-нибудь всеобщій восторгъ и радость, охватившіе нашъ отрядъ при видѣ этого озера, въ которомъ и люди, и животныя могли найти обычное удовлетвореніе такъ долго мучившей ихъ жажды?... Про странствовавъ въ голодной и безводной пустынѣ, мы, наконецъ,

стояли у порога обѣтованной для насъ земли... Чтобы понять то, что мы ощущали въ эту минуту, надо вспомнить, что отъ самаго Чиназа, гдѣ мы переправились чрезъ Сыръ-дарью, и до теперешняго мѣста, на протяженіи 800, если не болѣе, верстъ, мы не видали воды, потому что этикъ именемъ нельзя назвать водянистую жидкость, которую мы добывали изъ попутныхъ колодезевъ. Страшно даже вспомнить о, такъ называемой, водѣ въ этихъ кудухахъ!...

Озеро Сардаба-кулъ лежитъ близъ урочища Учъ-чучакъ, противъ котораго въ нѣсколькихъ саженихъ находятся древнія развалины рабата, который былъ построенъ хивинскимъ государемъ Абдулла-ханомъ; такіе рабаты строились прежде во всѣхъ средне-азиатскихъ ханствахъ на важнѣйшихъ караванныхъ путяхъ для пріюта путешественниковъ; однимъ словомъ, они имѣли назначеніе нашихъ постоялыхъ дворовъ.

Неприятель, ждавшій насъ на Сардаба-кулѣ, составлялъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, только авангардный отрядъ хивинскихъ скопищъ; какъ мы узнали впоследствии, отрядъ, назначенный защищать Хиву съ восточной стороны, ждалъ насъ у Сардаба-куля около двухъ мѣсяцевъ и отсюда высылалъ противъ насъ свои партіи для развѣдокъ и ночныхъ нападений на наши войска. Здѣсь же онъ рѣшился, по видимому, дать намъ послѣдній отпоръ и задержать наступленіе наше къ Аму-дарьѣ, на берегу котораго расположенъ былъ главный неприятельскій лагерь.

На возвышенностяхъ Учъ-чучака, тѣснимые нами туркмены стали стягивать свои силы и сосредоточивать главную массу ихъ противъ праваго угла передняго и праваго нашихъ фасовъ. Маневръ этотъ не укрылся отъ глазъ командующаго войсками, который тотчасъ же отдалъ приказаніе выдвинуть конныя орудія батареи подполковника Перемыгина противъ стягивавшейся массы неприятеля. Орудія расположились какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился самъ командующій войсками и главная квартира; я случайно очутился около дѣловаго орудія. Пока они устанавливались на небольшой песчаной возвышенности, неприятель продолжалъ перестрѣлку и, вѣроятно, не безъ намѣренія мѣтилъ въ ту кучу, гдѣ ему былъ видѣнъ значекъ командующаго войсками, справедливо разсчитывая, что тутъ долженъ находиться главный начальникъ нашихъ войскъ: одна изъ самыхъ большихъ картечныхъ пуль, пущенная туркменами изъ фальконета, пролетѣла чрезъ наши головы съ пронзительнымъ свистомъ. Въ это самое время, наши орудія пустили по картечной гранатѣ въ массу собравшихся туркменъ; за оглушительнымъ звукомъ нашихъ орудійныхъ

выстрѣловъ послышались, въ сторонѣ туркменъ, разрывные удары упавшихъ среди нихъ гранатъ, и вслѣдъ затѣмъ поднялись облака пыли и песку, которыя скрыли отъ насъ неприятеля. Когда столбъ пыли разсѣялся, впереди лежащая мѣстность была уже совершенно очищена отъ неприятеля.

Облагодаривъ орудейную прислугу за мѣткость стрѣльбы, командующій войсками приказалъ взять орудія на передки и мы двинулись къ озеру Сардаба-кулю. Подойдя къ послѣдшему, войска были остановлены. Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ объѣхалъ всѣ части отряда, благодарилъ людей за ихъ молодецкую службу, поздравлялъ всѣхъ съ благополучнымъ выходомъ изъ песковъ и высказалъ исполнѣ заслуженныя похвалы за перенесеніе войсками столь тяжкихъ трудовъ, сопряженныхъ въ послѣднее время съ неслыханными, безпримѣрными лишениями.

Пѣхотѣ приказано было остаться на нѣсколько часовъ близъ озера и сварить себѣ пищу изъ свѣжей воды, которой никто изъ насъ не видалъ съ 12-го марта. Тутъ же были оставлены и верблюды для отдыха и пошла, такъ какъ они уже четыре дня не получали воды. Начальство надъ оставленными пѣхотою, артилеріею и обозомъ было поручено генералу Бардовскому, который, послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха, долженъ былъ привести весь отрядъ къ Аму-дарьѣ, до которой оставалось около десяти, если не менѣе, верстъ.

Командующій же войсками, вся главная квартира, начальникъ отряда, генералъ Головачевъ, и вся кавалерія, пошли прямо къ Аму-дарьѣ. На походѣ, командующій войсками высалъ впередъ для развѣдокъ о неприятѣ большую часть кавалеріи, подъ начальствомъ подполковника Гавацкаго и Ихъ Высочеству Великаго Князя Николая Константиновича и Князя Евгенія Максимиліановича.

Пройдя нѣсколько верстъ, нашимъ взорамъ представилась еще издали серебристая полоса великой рѣки Средней Азій и вскорѣ мы приблизились къ берегу Аму-дары, открывшейся намъ теперь во всей своей красотѣ. На томъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли, бивакировалъ передъ тѣмъ нашъ неприятель, который бѣжалъ и оставилъ послѣ себя одни только сиплетенные изъ кустовъ шалаши; за нимъ-то направлялась наша кавалерія.

По прибытіи къ рѣкѣ, командующій войсками сошелъ съ лошади и мы всѣ послѣдовали его примѣру. Въ этомъ мѣстѣ Аму-дары имѣетъ около двухсотъ сажень ширины или нѣсколько болѣе; но въ другихъ мѣстахъ она упирается до двухъ верстъ, а теченіе въ са-

момъ русскѣ, даже въ обыкновенное тихое время, чрезвычайно быстро; глубина рѣки очень большая, хотя мѣстами встречаются и мели.

Не могу передать того чувства, съ которымъ мы взирали на эту величественную массу водъ, еще такъ недавно, въ тяжелыя минуты, бывшую предметомъ всѣхъ нашихъ упованій и надеждъ. Здѣсь, на берегахъ Аму-дарьи, въ нѣсколькихъ тысячахъ верстахъ, вдали отъ отечества, въ самой глубинѣ варварской Азіи, куда, со временъ Александра Македонскаго, не проникала ни одна европейская армія, стоятъ теперь небольшой русскій отрядъ изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ борющийся съ самою ужасною, безжизненною природою, съ страшными ураганами, съ палящимъ и удушливымъ зноемъ, и вышешій побѣдителемъ изъ всѣхъ выпавшихъ на его долю нечеловѣческихъ испытаній. Эта мысль, невольно занимавшая, въ данную минуту, каждого изъ насъ, возвышала духъ и веселяла какой-то трепетъ благоговѣнія предъ этимъ простымъ человѣкомъ, называемымъ русскимъ солдатомъ, для котораго, кажется, нѣтъ ничего невозможнаго... Честь и хвала русскому воинству въ лицѣ нашего отряда, и слава главному вождю дѣйствующихъ противъ Хивы войска! Задача была одна изъ самыхъ тяжелыхъ, когда либо представившихъ военачальнику. Я не беру съудить о сдѣланныхъ, быть можетъ, въ этомъ случаѣ ошибкахъ, свойственныхъ, впрочемъ, каждому человѣку; но знаю то, что въ то время, когда отряду грозило страшное бѣдствіе, нужно было имѣть много характера, чтобы не растеряться и сохранить то невозмутимое спокойствіе, которое выказано было генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ. Никто также не можетъ не отдать ему полной справедливости въ томъ, что во все время тяжелаго для всѣхъ похода, отличительною чертою главнаго начальника экспедиціи была постоянная заботливость и попеченіе о войскахъ. Наконецъ, раздѣляя наравнѣ со всѣми все, что только приходилось переносить отряду, онъ, своей неутомимою дѣятельностью и распорядительностью, такъ или иначе, но привелъ ввѣренный ему отрядъ къ указанной Высочайшею властью цѣли и покрылъ русское оружіе новымъ вѣнкомъ неуязвимой славы.

Достигнувъ береговъ Аму-дарьи, мы, конечно, съ жадностью бросились тотчасъ пробовать ея воду. Вкусомъ вода оказалась весьма не дурною, но была нѣсколько мутна. Можно было подумать, что Аму возмущается, видя свои берега оскверненными присутствіемъ европейскихъ воиновъ....

Командующій войсками располагалъ ожидать у берега рѣки присоединенія войскъ, оставленныхъ подъ начальствомъ генерала Бардов-

скаго, такъ какъ здѣсь долженъ былъ быть ночлегъ. Мы уже собирались выбрать себѣ мѣстечко для ночлега, въ ожиданіи прибытія нашихъ верблюдовъ съ вещами, какъ вдругъ прискакалъ офицеръ отъ начальника кавалеріи съ извѣстіемъ, что часть бѣжавшаго непріятеля переправилась чрезъ Аму-дарью на каякахъ или лодкахъ, и что летучій отрядъ нашъ успѣлъ только помѣшать переправѣ одного каяка, который почти на половинѣ рѣки сталъ на мели; остальная же часть туркменъ уснакала на направленію къ гор. Шурахану. Командующій войсками, начальникъ отряда и вся главная квартира тотчасъ же съѣли на коней и съ конвоемъ отъ сборной сотни пустились большой рысью вслѣдъ за офицеромъ, привезшимъ извѣстіе. Дорога, по которой мы ѣхали, шла берегомъ Аму-дарьи и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдалялась отъ нея; разстояніе до того мѣста, куда вѣлъ насъ казачій офицеръ, было, вѣроятно, верстъ семь или восемь, такъ какъ, по прошествіи часа времени, мы уже спускались съ довольно большой возвышенности прямо къ берегу Аму-дарьи. Недалеко отъ этого мѣста, рѣка дѣлала довольно крутой заворотъ и вода омывала весьма высокой, почти совсѣмъ отвѣсный берегъ. Здѣсь мы нашли всю кавалерію, которая остановила преслѣдованіе туркменъ, вслѣдствіе того, что сотни, съ ночнымъ переходомъ отъ Адамъ-крыстана, сдѣлали до шестидесяти верстъ по глубокому песку и дальнѣйшее насилуваніе непоенныхъ лошадей, могло, какъ говорится, совершенно осадить ихъ.

Начальникъ кавалеріи и Ихъ Высочества встрѣтили командующаго войсками, объяснили ему причины, по которымъ далѣе не преслѣдовали непріятеля, и указали на стоявшій на мели, въ саженьяхъ двухъ стахъ около берега, непріятельскій каякъ съ хивинцами. Не прошло и четверти часа, какъ съ противоположной стороны рѣки поднялся ужаснѣйшій вихрь: песокъ столбомъ взвился до самыхъ облаковъ, вѣтеръ съ страшнымъ гуломъ перенесъ всю эту песчаную тучу на насъ и мы вмгъ были осыпаны пескомъ и дождемъ. Но вихрь этотъ продолжался не болѣе получаса; небо прояснилось и жара снова начала такъ допекать насъ, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, природа изыскивала всѣ средства, чтобы воспрепятствовать появленію въ здѣшнихъ мѣстахъ незваныхъ европейскіхъ гостей.

Когда прояснилась погода, командующій войсками рѣшилъ оставаться на этомъ мѣстѣ часовъ до шести, для того, чтобы дать отдохнувшимъ казачьимъ лошадямъ и напоить ихъ, а къ вечеру возвратиться на ночлегъ въ бывшій туркменскій лагерь, на берегу

Аму-дары, куда долженъ былъ прибыть и генералъ Бардовскій съ пѣхотою, артилеріею и обозомъ.

Теперь надо было какъ нибудь достать непріятельскій каюкъ съ туркменами, который продолжалъ стоять на мели, не смотря на то, что вѣтеръ довольно сильно подымалъ волны на рѣкѣ. Завладѣть каюкомъ вышло десять человекъ и одинъ офицеръ изъ казаковъ уральской сотни, которые, вооружившись революверами и шашками, раздѣлились, оставшись въ однихъ только рубашкахъ и, держась за гривы своихъ лошадей, пустились вплавъ къ каюку; тамъ, гдѣ оказывалась мель, видно было, какъ казаки переходили ее и потомъ плыли далѣе. Туркмены, усмотрѣвъ съ каюка, что казаки приближаются къ нимъ, засуетились, сдѣлали послѣднее усиліе, чтобы столкнуться съ нѣста свой каюкъ, но это оказалось тщетнымъ, почему они стали выпрыгивать изъ каюка и бросаться въ воду. Намъ было очень ясно видно, какъ пять человекъ туркменъ достигли противоположнаго берега, а трое изъ нихъ, долго носимые волнами, наконецъ, исчезли и, вѣроятно, утонули. Казаки, добравшись до каюка, бились съ нимъ часа полтора и, наконецъ, имъ удалось столкнуть его съ мели. Лошадей своихъ они не имѣли возможности помѣстить въ самомъ каюкѣ, такъ какъ въ немъ уже находилось до тридцати барановъ, одна корова и одна лошадь, оставленные туркменами. Одинъ изъ казаковъ взялся самъ перенять вплавъ всѣхъ лошадей на нашъ берегъ, что и исполнилъ молодецки: плыва самъ и держась за гриву своей лошади, онъ искусно направлялъ остальныхъ къ берегу и со всѣми лошадьми благополучно добрался къ намъ. Прочіе же казаки съ офицеромъ съѣли въ каюкѣ и поплыли по теченію, постепенно приставая къ нашему берегу; когда же они совсѣмъ пристали, то, посредствомъ брошеннаго каната, каюкъ былъ подтянутъ къ болѣе удобному мѣсту, молодецъ-казаки вышли на берегъ и были тотчасъ же окружены командующимъ войсками, всѣми офицерами и своими товарищами, поздравлявшими ихъ съ удачнымъ исполненіемъ нелегкаго дѣла. Командующій войсками, въ присутствіи всѣхъ, крестно поблагодарилъ казаковъ за ихъ молодецкій подвигъ, наградивъ ихъ тутъ же ста рублями и отдалъ имъ въ собственность все, что было найдено въ каюкѣ; самый же каюкъ былъ взятъ въ казну и предназначенъ служить вспомогательнымъ средствомъ для предстоящей намъ переправы.

Отдохнувъ немного, мы возвратились обратно къ тому мѣсту, гдѣ впервые привѣтствовали роскошную Аму-дарю; здѣсь, на берегу, войска расположились въ турменскихъ или хивинскихъ шашахъ, и

одному Богу только извѣстно, какое чувство раздолья охватило насъ послѣ всѣхъ этихъ нудуковъ, Халь-ата и Адамъ-крыгановъ...

Сегодняшній день, 11-го мая, долженъ остаться на всегда памятнымъ для каждаго изъ насъ, участниковъ хивинскаго похода. День этотъ былъ для насъ днемъ избавленія отъ всѣхъ напастей, непременно стоявшихъ надъ нами во все время движенія отряда по убойственной пустынѣ и, разсѣяніемъ непріятельскаго скопища подъ Учъ-чучакомъ, онъ открывалъ намъ ворота въ плодотворную часть Хивинскаго ханства.

Такъ какъ съ самаго начала похода я задался цѣлю записывать всѣ ощущенія и впечатлѣнія, которыя придется мнѣ испытывать, потому что всѣ заранѣе предвидѣли, что невѣроятный, по своимъ трудностямъ, походъ въ Хиву, будетъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ военныхъ событій новѣйшаго времени, то и въ настоящій, знаменательный для насъ день, мои мысли обращаются къ тѣмъ лицамъ, которыя, главнѣйшимъ образомъ, содѣйствовали успѣху столь славнаго дѣла. Имъ, т. е. командующему войсками, начальнику его полевого штаба, генералу Троцкому, и начальнику туркестанскаго отряда, генералу Головачеву, мы обязаны тѣмъ, что могли совершить, почти безъ потерь въ людяхъ, переходъ по такимъ мѣстамъ, куда едва рѣшались проникать небольшія партіи, привыкшихъ ко всевозможнымъ лишениямъ, туркменъ-ночевниковъ. Сколько трудныхъ минутъ пришлось пережить этимъ лицамъ, на которыхъ лежала громадная отвѣтственность за жизнь нѣсколькихъ тысячъ людей. Сколько заботъ и ежеминутной предусмотрительности должны были они выказывать для того, чтобы устранить или ослабить вредныя послѣдствія разныхъ случайностей, которыя могли привести къ гибели весь отрядъ и окончательно разстроить порученное имъ громадное предпріятіе!... Конечно, не мнѣ оцѣнивать дѣятельность руководителей нашей экспедиціи и имена ихъ найдутъ себѣ, безъ сомнѣнія, почетное мѣсто въ лѣтописяхъ славнѣйшихъ подвиговъ нашихъ войскъ. Но я, какъ простой очевидецъ ихъ многотрудной дѣятельности, считалъ бы себя не вправѣ умолчать о заслугахъ тѣхъ, которые, раздѣляя труды всего отряда, должны были, сверхъ того, изыскивать всѣ способы къ облегченію этихъ трудовъ и стремиться къ достиженію указанной цѣли цѣною возможно меньшихъ жертвъ.

12-е мая. Бивакъ на берегу Аму-дары. Никогда со времени начала похода не ощущали мы лучшаго настроенія духа, какъ теперь, во время стоянки близъ Аму-дары. Не говоря уже о нравственной бодрости, оживившей всѣхъ насъ съ выходомъ изъ пустыни, мы могли,

наконецъ, освѣжиться въ сосѣдствѣ рѣки и, уже не дрожа за каждую каплю воды, утолять величайшую изъ жизненныхъ потребностей. Моральныя и физическія силы, оправившись и окрѣпнувъ послѣ тяжкихъ испытаній, придавали всему отряду полную увѣренность въ успѣшномъ достиженіи цѣли нашего похода.

Простоявъ тутъ до 5 часовъ вечера, мы снялись съ бивака и сдѣлали небольшой переходъ внизъ по берегу Аму-дарьи, все таки по глубокому еще песку. Когда путь нашъ удалялся хотя на незначительное разстояніе отъ рѣки, становилось какъ-то грустно, являлось какъ бы опасеніе не увидѣть болѣе этихъ водъ, возвратившихъ намъ бодрость духа и силы. Къ счастью, на ночлегъ мы снова вышли къ самому берегу.

13-е мая. Бивакъ на томъ же берегу. Въ четыре часа утра мы выступили далѣе по направленію, ведущему къ городу и крѣпости Шурахану, и шли также по берегу рѣки, по крайне глубокому, мѣстами, песку и при удручивой жарѣ; однако, не смотря на это, мы двигались въ отличномъ настроеніи, зная, что, по приходѣ на ночлегъ, будемъ въ состояніи утолить жажду и освѣжить тѣло.

14-е мая. Бивакъ близи Аму-дарьи. Сегодня мы опять сдѣлали небольшой, подобный предшествующему, переходъ, хотя въ нѣкоторомъ уже отдаленіи отъ рѣки; ничего замѣчательнаго по пути не было. Джигиты наши общаются, на слѣдующемъ переходѣ, пахатныя земли, нѣкоторую растительность, траву и вообще признаки жизни и осѣдлости.

15-е мая. Бивакъ на большомъ арыкѣ. Пройдя нѣсколько верстъ отъ предыдущаго ночлега, мы дѣйствительно вступили на пахатныя и засѣянные поля, и когда остановились на ночлегъ, то подъ ногами нашими разстилася прекрасный кормъ для лошадей, а воду доставляли намъ арыки—оросительныя каналы, посредствомъ которыхъ поливаются пахатныя земли. Мы находились въ семи верстахъ отъ Аму-дарьи, и верстахъ, приблизительно, въ 30 отъ города Шурахана.

16-е мая, Акъ-камышъ. Прежде чѣмъ занести въ мой дневникъ событія замѣчательнаго дня 16-го мая и въ виду того, что мы, со дня на день, ожидали приказанія приступить къ переправѣ черезъ Аму, считаю необходимымъ сказать, какими средствами обладаетъ нашъ отрядъ для исполненія такого труднаго дѣла, какъ переходъ на дѣвый берегъ широкой и быстрой рѣки.

При открытіи похода въ Хиву, съ Джизакскою, т. е. нашею колонною отправленъ былъ изъ Чиназа, въ инженерномъ паркѣ одинъ,

весьма большой понтонъ; Казалинскою же колонною взято было три меньшихъ размѣровъ понтона. Всѣ эти понтоны предназначались для плаванія по Аму-дарьѣ, съ цѣлю собирать мѣстныя перевозочныя средства; кромѣ того, каждый два понтона могли быть соединены вмѣстѣ и, такимъ образомъ, составлять паромъ для переправы. По присоединеніи къ намъ Казалинской колонны, бывшіе при немъ три понтона были сданы въ отрядный инженерный паркъ. Когда же, на пути отъ Адамъ-крыгана, мы вынуждены были бросать и жечь многія вещи, то понтонъ Джизакской колонны, какъ весьма тяжело-вѣсный, былъ зарытъ въ землю; слѣдовательно, къ Аму-дарьѣ мы пришли уже съ тремя понтонами или лодками. По взятіи нашими уральскими казаками туркменскаго каюка, командующий войсками тогда же сдѣлалъ распоряженіе присоединить къ этому каюку три нашихъ понтонныхъ лодки, посадить въ нихъ вооруженныхъ стрѣлковъ и, съ помощію бывшихъ при саперной ротѣ трехъ матросовъ, отправить эти четыре судна подъ начальствомъ разжалованнаго изъ капитанъ-лейтенантовъ въ матросы, но уже произведеннаго въ унтеръ-офицеры съ возвращеніемъ дворянскаго достоинства, Зубова, для плаванія по берегамъ Аму-дарьи. Этой маленькой рѣчной флотилии приказано было захватывать всѣ лодки и каюки, которыя будутъ попадаться ей на пути ея плаванія.

Одновременно съ нашимъ слѣдованіемъ вдоль берега Аму-дарьи къ Шурахану, интендантъ отряда г. Касьяповъ, человекъ уже пожилой, но исполненный большой отваги, испросилъ позволеніе плыть на суднѣ Зубова, такъ какъ импровизованная флотилия наша оставалась все время на виду отряда и имѣла постоянное съ нимъ сообщеніе; къ г. Касьянову присоединились и профессоръ зоологій г. Богдановъ. Эти три лица, находясь на передовой лодкѣ рѣчнаго отряда, не переставали охотиться за непріятельскими каюками и лодками, производили десанты на берегъ, вступали въ перестрѣлку съ туркменами, и успѣли завладѣть нѣсколькими ихъ каюками. Дѣйствія ихъ были такъ удачны, что, по приходѣ нашемъ къ Акъ-камышу, трофеи ихъ состояли уже изъ 15 захваченныхъ у непріятеля каюковъ, изъ которыхъ четыре оказались очень большими.

Туркмены, слѣдившіе съ противоположнаго берега за дѣйствіями нашей флотилии, и видя разгромъ, производимый Зубовымъ, но не зная о нашемъ приходѣ къ Акъ-камышу, пытались было уничтожить гребной отрядъ; съ этою цѣлю, они подвезли къ берегу два орудія и пустили въ нашу флотилию до 23 ядеръ. Но Зубовъ такъ

ловко лавировалъ, что успѣлъ уйти изъ подъ непріятельскихъ выстрѣловъ, не понеся никакой потери.

Когда же туркмены узнали, что мы уже находимся у Акъ-камышы, противъ котораго на противоположномъ берегу нарочно построена была ими небольшая крѣпостца, то, опасаясь, что мы рѣшимся переправляться на этомъ самомъ, весьма удобномъ мѣстѣ, они оставили Зубова, и поспѣшно заняли эту крѣпостцу, которую вооружили своими орудіями.

Командующій войсками, да и мы всѣ, не зная еще о томъ, что дѣлается съ нашей флотиліею и полагая, что непріятель находился въ Шураханѣ, который онъ намѣревался, будто, защищать, остановилъ весь отрядъ на удобной позиціи по дорогѣ, идущей прямо въ этотъ городъ, и въ семи верстахъ въ сторонѣ отъ Аму-дарьи. На избранномъ для bivака мѣстѣ было много корма какъ для лошадей, такъ и для верблюдовъ. По близости находилось много кышлаковъ, или домовъ изъ глины и огородовъ, но жителей не было ни одного.

Мы уже часа два предавались отдохновенію на нашей новой стоянкѣ, стараясь спастись отъ нестерпимой духоты, какъ сынъ мой, бывшій въ этотъ день дежурнымъ адъютантомъ при командующемъ войсками, вышелъ изъ палатки и примазалъ личному конвою генерала Кауфмана сѣдлать лошадей. Я его спросилъ, что это значитъ, и получилъ въ отвѣтъ, что командующій войсками, вмѣстѣ съ начальникомъ отряда, отправляется осматривать мѣстность у Аму-дарьи и нашу флотилію. Я опять спросилъ сына, слѣдуетъ ли ѣхать главной квартирѣ за командующимъ войсками и получилъ утвердительный отвѣтъ.

Чувствуя себя сильно истомленнымъ жарой, и не очень здоровымъ, да и не предполагая ничего особеннаго въ этой поѣздкѣ, тѣмъ болѣе, что командующій войсками не бралъ съ собой ни какой части войскъ, кромѣ обыкновеннаго своего казачья конвоя, я рѣшился остаться въ лагерѣ. Впослѣдствіи, я утѣшалъ себя тѣмъ, что въ этомъ случаѣ быть не одинъ, а многія изъ лицъ главной квартиры остались также въ лагерѣ, вѣроятно, по одинаковымъ съ моими соображеніямъ.

Черезъ полчаса вся эта кавалькада, оба генерала съ своими конвоями и штабами, адъютанты и большая часть главной квартиры поѣхали по направленію къ Аму-дарьѣ.

Часъ спустя послѣ отъѣзда командующаго войсками, я вдругъ услышалъ сильный орудійный выстрѣлъ. Зная, что съ генераломъ Кауфманомъ не было ни какой артилеріи, я спросилъ моего слугу,

чтобы это могло значить? Семень мой, вѣроятно съ просонья, отвѣчалъ мнѣ: должно быть громъ. Не успѣлъ я возразить на его негнѣный отвѣтъ о громѣ, въ то время когда насъ печетъ солнце, какъ раздался вторичный выстрѣлъ, и въ лагерѣ послышались шумные голоса бросавшихся въ ружье солдатъ. Я быстро одѣлся, послалъ за лошадью, которая была на корму, и хотѣлъ уже приглашать начальниковъ частей выводить часть войскъ по тому направленію, откуда слышались выстрѣлы, какъ, выйдя изъ палатки, я увидѣлъ, что нѣкоторыя роты уже стояли въ строю. Въ пестерѣннѣ, ожидая лошади, которая паслась въ общемъ табунѣ отряда, я чувствовалъ себя въ крайне неловкомъ положеніи еще болѣе, когда увидѣлъ многихъ лицъ, скачущихъ изъ лагеря по направленію раздающихся орудійныхъ выстрѣловъ; мимо меня пронеслись уже дивизіонъ ранетныхъ и конной артилеріи, а моей лошади все нѣтъ!...

Наконецъ, сѣвъ на приведеннаго коня, я пустился вскачь и вскорѣ сталъ нагонять многихъ лицъ главной квартиры и разныхъ частей войскъ; всѣ лѣтели по направленію выстрѣловъ, такъ что, когда я выѣхалъ къ побережью Аму-дарьи, все поле было усыяно скачущими всадниками. Вдали видѣлись командующій войсками и начальникъ отряда, стоявшіе на берегу рѣки, но гораздо выше лежавшей на той сторонѣ крѣпостцы. Выстрѣлы становились рѣже, хотя изъ крѣпостцы непріятель не переставалъ стрѣлять, вѣроятно уже по насъ, или по видѣвшимся ему подходоившимъ ротамъ и артилеріи. Ядра нашихъ противниковъ брали весьма далеко, что насъ крайне изумило, потому что ширина Аму-дарьи, въ этомъ мѣстѣ, была около 800 сажени и, кромѣ того, крѣпостца ихъ была расположена не у самаго берега, но отступя нѣсколько отъ него. Ядра, перелетая рѣку, ложились очень далеко, такъ что, когда мы только что выѣзжали къ предрѣчью, нѣсколько ядеръ шмыгнули отъ насъ въ весьма близкомъ разстояніи.

Мы проѣхали, по крайней мѣрѣ, верстѣ 10 отъ лагеря, но все-таки не могли нагнать командующаго войсками и его свиты. Сдѣлавъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ переходъ въ 20 верстъ, я проскакавъ еще теперь 10, лошади наши положительно отказывались скакать далѣе. Видя невозможность догнать наше начальство и потерѣвъ даже изъ виду значекъ командующаго войсками, мы дали нашимъ лошадямъ идти по волѣ. Вскорѣ, со стороны начальства, поназасъ скачущій офицеръ; мы приостановились, чтобы узнать что нибудь отъ него. Офицеръ этотъ, адъютантъ 1-го стрѣльцова баталіона подпоручикъ Дѣтковъ, объявилъ намъ, что командующій вой-

сками приказалъ всѣмъ вышедшимъ изъ лагеря войскамъ и артилеріи возвратиться обратно къ мѣсту бивака.

Офицеръ проскакалъ далѣе съ этимъ приказаніемъ, мы также повернули и поѣхали обратно, сначала шагомъ, а потомъ маленькой рысью. Проѣхавъ, такимъ образомъ, верстъ около пяти, мы должны были снова попасть на дорогу, лежавшую подъ выстрѣлами крѣпости; здѣсь мы наткнулись на нашъ дивизионъ конной батареи, который, снимаясь съ позиціи, вытягивался въ одно орудіе шагомъ. Солнце начинало уже склоняться... Только что мы присоединились къ дивизиону, непріятель сдѣлалъ по намъ выстрѣлъ, и ядро, передетѣвъ довольно высоко надъ нашими головами, упало далеко за нашей кавалькадой. За этимъ выстрѣломъ посѣдовалъ другой, и второе ядро шлепнуло шагахъ въ десяти отъ меня и бывшихъ рядомъ со мной топографскаго офицера и маіора Адриаса. Мы стали просить ѣхавшаго съ нами около орудія штабсъ-капитана Ермолова, послать непріятелю въ отвѣтъ хотя одну гранату, но Ермоловъ не согласился, сказавъ, что вѣрно идти въ лагерь и дивизионъ уже снялся съ позиціи, а что завтра туркмены получатъ хорошее угощеніе. Во время нашего разговора сплюснутая ядра шлепали по правую и лѣвую сторону орудій, а дивизионъ продолжалъ себѣ идти тихимъ шагомъ, не обращая никакого вниманія на падавшіе непріятельскіе снаряды. Нѣсколько времени еще непріятель провожалъ насъ ядрами, пока мы не вышли изъ-подъ сферы его выстрѣловъ.

Командующему войсками, начальнику отряда, ихъ свѣтъ и конвою пришлось провести не совсѣмъ пріятные полчаса. Во время стрѣльбы изъ крѣпости въ нихъ выпущено было до 30 ядеръ, изъ которыхъ одно хлопнуло около Князя Евгенія Максимиліановича, обнесо его грязью и мокрымъ пескомъ; лошадь же доктора Морева, стоявшаго подлѣ Князя, два раза прокружилась и вмѣстѣ съ нимъ упала; полагали, что докторъ убитъ, но, къ счастью, онъ всталъ невредимъ. Если бы у туркменовъ были гранаты, то немного бы убѣдѣло и начальства, и свиты...

17-е мая. *Ахъ-камышъ.* Вчера, по возвращеніи командующаго войсками въ лагерь, стало извѣстно еще съ вечера, что начальнику отряда, генералу Головачеву, съ двумя ротами стрѣлковъ и дивизиономъ конной батареи поручено отправиться рано утромъ къ берегу Аму-дарьи. Цѣль этого движенія заключалась въ томъ, чтобы наказать хивинцевъ за ихъ вчерашніе продѣлки, сбить ихъ съ фартной позиціи и изъ крѣпости и тѣмъ дать возможность нашей флотиліи,

оставшейся верстъ за 12 выше по рѣкѣ, причалить къ нашему берегу; объ этомъ сообщено было одновременно и Зубову.

Сегодня, въ шесть часовъ утра, мы услышали, со стороны Аму-дарьи, сильныя орудійныя выстрѣлы. Хотя было еще довольно рано, но вся главная квартира была уже на ногахъ, и лошади стояли у всѣхъ осѣдланными. По мѣрѣ усиленія доходящихъ до насъ орудійныхъ выстрѣловъ, всѣ лица главной квартиры постепенно стали сходиться у ставки командующаго войсками. Въ это время генералъ Кауфманъ принималъ депутацію отъ жителей Шураханъ и четырехъ представителей отъ нѣкоторыхъ окрестныхъ кочевыхъ родовъ, которые нанануѣ еще писали къ командующему войсками и, какъ мирные жители, просили его покровительства.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ передалъ имъ письменный переводъ своего отвѣта, съ тѣмъ, чтобы они сдѣлали его извѣстнымъ по всей окрестности. Главный начальникъ русскихъ войскъ приглашалъ всѣхъ мирныхъ жителей оставаться на своихъ мѣстахъ, по прежнему, заниматься своими полями и хозяйствомъ, и ругался имъ за то, что ни одному мирному человѣку не будетъ сдѣлано ни малѣйшаго вреда, потому что онъ ведетъ войну не противъ жителей, а противъ войскъ непріязненнаго правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, командующій войсками предложилъ депутаціи пригласить жителей сегодня же начать привозить въ нашъ лагерь для продажи войскамъ разные продукты и все, чѣмъ они только торгуютъ на базарахъ, присвокупивъ, что, по приходѣ нашемъ завтрашняго числа въ Шураханъ, жители его могутъ быть совершенно спокойны, что на базарѣ все будетъ покупаться за наличныя деньги и ничего не будетъ взято у нихъ безъ платы.

Вечеромъ, часу въ шестомъ, дѣйствительно, шураханскіе жители привезли къ намъ для продажи разныхъ разностей; все это было у нихъ раскуплено нами и солдатами, и наши новые поставщики остались, повидимому, очень довольны. Въ заключеніе, командующій войсками приказалъ надѣть на четырехъ выборныхъ халаты; причемъ, переводчикъ передалъ имъ, чтобы подарки эти они приняли въ знакъ особеннаго къ намъ благоволенія главнаго начальника русскихъ войскъ за то, что шураханцы были первыми мирными жителями, встрѣтившими эти войска.

Вслѣдъ затѣмъ, генералъ Кауфманъ и вся главная квартира съѣли на коней и отправились къ маленькому отряду, высланному съ генераломъ Головачевымъ; послѣдній встрѣтилъ насъ словами, что непріятель сбитъ съ позиціи и уходитъ, оставляя свою крѣпость.

Отступеніе непріятеля ясно было видно съ нашего берега: онъ уходилъ изъ своего лагеря, съ трудомъ таща за собою свои два подбитыхъ орудія.

Начальникъ отряда не могъ достаточно нахвалиться мѣткостью стрѣльбы нашей конной артилеріи, прибавивъ, что какъ только опредѣлилась дистанція чрезъ рѣку и люди нѣсколько приснаровились, то каждая наша граната производила сильное разрушеніе у туркменъ. Въ отместку же намъ, и непріятель, въ свою очередь, уощалъ насъ лучше вчерашняго: много удачныхъ выстрѣловъ было пущено имъ, такъ что ядра постоянно ложились между орудіями, а подъ конецъ у насъ убита была въ конномъ дивизионѣ одна лошадь и раздроблено колесо у одного орудія. Кромѣ того, была убита также лошадь у командира роты, прикрывавшей батарею. Поблагодаривъ орудіи за прислугу и стрѣльбовъ, командующій войсками приказалъ имъ возвратиться въ лагерь.

Тѣмъ временемъ флотилія, подъ начальствомъ Зубова, должна была проплыть верстъ десять внизъ по рѣкѣ, чтобы достигнуть мѣста нашей стоянки; на этомъ пространствѣ флотиліи попадались на встрѣчу непріятельскіе каюки, стоявшіе близъ противоположнаго берега, который былъ усянъ конными туркменами, поджидавшими наши суда. Непріятель завязалъ перестрѣлку съ бывшими на судахъ людьми, что, однако, не помѣшало лихому Зубову не только овладѣть нѣсколькими каюками, но и производить даже десанты; вскорѣ стрѣлки наши совершенно очистили непріятельскій берегъ. Послѣдній захваченный нами каюкъ былъ уже въ виду всѣхъ, когда наша конная батарея замолкла. Зубовъ увидѣлъ, въ это время, на непріятельскомъ берегу еще одинъ каюкъ, подожженный самими туркменами; не разсуждая долго о томъ, ушелъ ли непріятель, или только собирается уходить, командиръ нашего рѣчного флота полетѣлъ на своихъ лодкахъ къ противоположному берегу, вырвалъ, такъ сказать, каюкъ изъ рукъ непріятеля и, затушивъ огонь, притащилъ его къ нашему берегу.

Командующій войсками и всѣ мы довольно долго стояли на берегу Аму-дарьи съ наведенными биноклями и смотрѣли, какъ туркмены выбирались изъ крѣпости. Намъ, впрочемъ, казалось, что хотя непріятель, вѣроятно, направится на защиту Шурахана, ибо онъ зналъ, что завтра мы подойдемъ къ этому городу, но такъ какъ за крѣпостію и песчаными барханами, которыми былъ усянъ непріятельскій берегъ, начинались уже сады, тянувшіеся вплоть до Хивы, на

пространствѣ болѣе 50 верстъ, то, по крайней мѣрѣ, часть туркменъ должна была, безъ сомнѣнія, остаться въ этихъ садахъ.

28-е мая. Переправа чрезъ Аму-дарью. Сегодня, въ шесть часовъ утра, мы снимались съ бивака у Акъ-намыша, въ полной увѣренности, что идемъ къ Шурахану, гдѣ была назначена переправа чрезъ Аму-дарью, какъ совершенно неожиданно для всѣхъ насъ авангардъ отряда и весь верблюжій обозъ стали направляться на дорогу, ведущую не къ Шурахану, а къ рѣкѣ, именно на то мѣсто, съ котораго былъ вчера битъ непріятель. Такъ какъ отъ нашей стоянки до Аму-дарьи было не болѣе 7 верстъ, то всѣ войска подошли къ берегу часа черезъ два. Мы были немного удивлены еще и тѣмъ, что когда подходили къ берегу Аму-дарьи, то въ двухъ широкихъ арыкахъ, которые войска переходили для достиженія рѣчного берега, вода оказалась несравненно глубже вчерашняго.

Войска расположились на большомъ пространствѣ вдоль берега, и тотчасъ же сдѣлано было распоряженіе о переправѣ на ту сторону двухъ ротъ 1-го стрѣльковаго баталіона и двухъ горныхъ орудій. Имъ приказано было занять непріятельскую крѣпостцу, не увлекаться впередъ, а поджидать переправы слѣдующихъ войскъ; къ вечеру на ту сторону перевезены были еще двѣ роты, со всѣмъ ихъ багажемъ.

День 18-го числа прошелъ для насъ незамѣтно, въ постоянномъ плаваніи каюковъ съ одного берега на другой и въ доставленіи необходимыхъ для перевезенныхъ войскъ принадлежностей. Отправленнымъ на лѣвый берегъ ротамъ не приказано было приближаться къ кышлакамъ, которые видѣлись въ садахъ. Наступилъ вечеръ, взошла на подчасъ молодая луна и потомъ все повергло въ мракъ.

Палатка моя и барона Каульбарса отстояли отъ берега Аму-дарьи въ нѣсколькихъ саженьяхъ и находились подлѣ самаго арыка, чрезъ который пѣхота проходила утромъ въ бродъ. Часу въ одиннадцатомъ вечера слуга нашъ, между прочимъ, доложилъ, что въ арыкѣ нашемъ вода уже такъ прибавилась, что лошадь можетъ идти вплавь. Около часу ночи рожки затрубили, войскамъ приказано было вычититься, переходить обратно оба арыка, чрезъ которые мы переправлялись, подхода къ Аму-дарьѣ, и размѣститься далѣе отъ рѣки, на большой песчаной возвышенности. Всѣ мы не мало исполнились отъ такой неожиданности, въ особенности, когда джигиты и мѣстные жители стали утверждать, что, въ это время года, Аму-дарья въ нѣсколько часовъ затопляетъ все пространство кругомъ на десятокъ верстъ. Молодая луна скрылась отъ насъ и еще болѣе затрудняла переходъ чрезъ арыкъ, въ которомъ вода, дѣйствительно, сильно

поднялась; въ особенности затрудняла насъ переправа верблюдовъ. Въ темнотѣ, конечно, не сразу разберешь, гдѣ лучше пройти: верблюды спотыкались, надо было ихъ подымать и вытаскивать изъ воды, вещи подмачивались, и произошелъ невыразимый канардакъ.

Командующій войсками, начальникъ отряда и Ихъ Высочества перешли арыки благополучно. За ними стали переходить войска, имѣя воду по поясъ, но такъ какъ въ эту ночь была сильная духота, то всѣ охотно купались. Около арыковъ столпилось въ темнотѣ нѣсколько тысячъ людей и верблюдовъ, всѣ искали какъ бы пройти по лучше, и шлепанье по водѣ производило такой шумъ, который въ тихую ночь далеко раздавался по окрестной мѣстности.

Что касается лично меня, то я сомнѣвался, чтобы въ одну ночь мы могли быть такъ затоплены, что уже и дѣваться некуда, и притомъ былъ увѣренъ, что завтра, во всякомъ случаѣ, намъ придется вернуться къ берегу для переправы. Поэтому, перейдя первый арыкъ, и перетаскивъ черезъ него съ величайшимъ трудомъ своихъ верблюдовъ съ вещами, я рѣшился не переправляться черезъ второй арыкъ, который оказался несравненно хуже первого, и остался ночевать между обоими арыками. Моему примѣру послѣдовало большое количество обозовъ и войскъ, на что въскорѣ и получено было разрѣшеніе начальства, тѣмъ болѣе, что время уже близилось къ разсвѣту.

19-го мая. Вблизи непріятельской крѣпости. Проснувшись около пяти часовъ утра, мы убѣдились, что не только не могли быть затопленными, но вода въ арыкахъ далеко еще не достигла поверхности береговъ, хотя, дѣйствительно, сильно прибавился и дождя была еще болѣе увеличиться, такъ какъ дуть сильный вѣтеръ.

Спустя часть времени, все начальство съ Ихъ Высочествами пробѣжало къ переправѣ. Туда же потянулись и всѣ войска, переходя обратно арыки, что, впрочемъ, не представляло днемъ никакихъ затрудненій. Находясь ближе другихъ къ Аму-дарѣ, я съ моими верблюдами перешелъ только одинъ арыкъ и, подойдя къ мѣсту переправы, воспользовался первымъ каюкомъ, который принималъ людей и вещи главной квартиры. Помѣстившись въ каюкъ съ моею лошадыю, вещами моими и барона Каульбарса и нашими двумя слугами, я къ десяти часамъ былъ перевезенъ на другую сторону рѣки, гдѣ разбить себѣ палатку около самого берега, въ районѣ, назначенномъ для главной квартиры, и какъ на бѣду въ глубокомъ пескѣ. Баронъ Каульбарсъ не могъ переправиться со мною, такъ какъ, будучи

офицеромъ генеральнаго штаба, ему приходилось исполнять разныя порученія и распоряженія по переправѣ.

Каюки, отобранные Зубовымъ у непріятеля, несказанно пригодились для переправы нашихъ войскъ. При этомъ, не могу умолчать о нашихъ саперахъ, которые, во все время похода, приносили отряду чрезвычайную пользу, какъ при совершеніи переходовъ по безводнымъ мѣстамъ, отыскивая и устраивая колодцы, такъ и во время переправы. Саперные офицеры горячо соревновали общей пользѣ: сами спускались на десятки сажень въ глубь колодцевъ, измѣряя и вычисляя количество воды; руководили всѣми работами во время переправы, исправляли берега, устраивали пристани, завѣдывали нагрузкою и разгрузкою, словомъ, весь процессъ переправы вынесли на своихъ плечахъ.

Съ 18-го числа и до вечера нынѣшняго, 19-го, переправлено уже болѣе половины отряда: вся почти главная квартира, начальникъ отряда со штабомъ и козвой. Командующій войсками, желая лично наблюдать за переправою со своимъ штабомъ, остался еще на правомъ берегу. Кавалерію и верблюдовъ полагаютъ переправить послѣдними, частью въ каюкахъ, частью, быть можетъ, вплавь. Изъ нѣсколькихъ тысячъ верблюдовъ, имѣющихся при войскахъ, оставляютъ только до 300, а остальныхъ уже отправили на Халь-ата и къ колодцамъ Алты-кудукъ, для облегченія слѣдованія къ намъ оставленныхъ тамъ войскъ. Командиръ 2-го стрѣлковаго баталіона, полковникъ Веймаршъ, съ своими двумя ротами и частью артилеріи и съ разными запасами, оставленный на Халь-ата, завтра долженъ уже придти къ переправѣ, вслѣдствіе чего часть пѣхоты, удержанная на этомъ берегу, дождется его прихода. Полковникъ же Новомилинскій, командиръ 3-го стрѣлковаго баталіона, съ своими двумя ротами и тоже съ частью артилеріи долженъ придти позже.

Переправившись на ту сторону, я нашелъ наши войска расположенными вблизи бывшей непріятельской крѣпости, на отличной позиціи, обнесенной со всѣхъ сторонъ въ два яруса песчаными вогнутостями, въ родѣ брустверовъ. Впрочемъ, пришлось стоять въ глубокомъ пескѣ, а между тѣмъ, до садовъ было, что называется, рукой подать. На мѣстѣ стоянки не было ни травинки, поэтому, для доставленія корма, приказано было произвести фуражировку въ кышлакахъ; возвратившіеся оттуда фуражиры, добывшіе порядочное количество клевера для корма, объяснили, что жителей не выдали, но замѣтили много хлѣба на поляхъ. Жители, хивинцы, завидѣвъ фуражировъ, вѣроятно поспрагивались, но потомъ сообразили, что имъ

гораздо выгоднѣе будетъ самимъ продавать продукты нашимъ войскамъ, а потому, сегодня утромъ, совершенно для насъ неожиданно, среди лагера, образовался настоящій базаръ: жители навезли не только скверу, но лепешекъ, крупъ, барановъ и скота, остались очень довольны торгомъ и обѣщали на другой день опять прѣхать.

20-го мая. Бивакъ на берегу Аму-дары. До нынѣшняго дня я находился все одинъ на лѣвомъ берегу Аму; мой товарищъ баронъ Каульбарсъ, получившій, вѣроятно, порученіе отъ начальника штаба, не возвращался все еще съ того берега. Здѣсь кстати замѣтить, что мой почтенный сожитель, давно мнѣ извѣстный и обратившій на себя вниманіе своею отважностію еще въ кульджинской экспедиціи, гдѣ онъ получилъ двѣ раны, любилъ производить надъ собой весьма опасные эксперименты. Такъ случилось и сегодня. Часу во второмъ дня, я вдругъ засыпалъ голосъ барона Каульбарса, отыскивавшаго мою палатку; выглянувъ изъ нея, я былъ не маю удивленъ, когда предъ моими глазами предсталъ мокрый, обнаженный всадникъ на такомъ же мокромъ конѣ.... То былъ баронъ Каульбарсъ, переплывшій, въ видѣ опыта, Аму-дарю въ томъ мѣстѣ, гдѣ ширина ея доходитъ до 800 сажень, при весьма значительной глубинѣ, а быстрота теченія пять футовъ въ секунду....

Ждемъ не дождемся конца переправы и той минуты, когда насъ поведутъ въ хивинскіе сады и кышлаки, такъ какъ стоянка близъ крѣпости въ глубокомъ пескѣ, положительно несносна и живо напоминаетъ наши прошедшія бѣдствія.

Въ три часа по полудни, командующій войсками переправился на нашу сторону. Говорятъ, что съ приходомъ завтра къ переправѣ полковника Веймарна съ транспортомъ провѣанта, мы тронемся далѣе. До Хивы только 50 верстъ, или два обыкновенныхъ солдатскихъ перехода.

Пока командующій войсками находился еще на той сторонѣ рѣки, родной дядя хивинскаго хана присылалъ просить позволенія явиться на свиданіе къ генералу Кауфману. Командующій войсками послалъ ему въ отвѣтъ свое согласіе, и посланный уѣхалъ въ Хиву, но еще не возвращался.

21-е мая. Бивакъ на берегу Аму-дары. Сильный вѣтеръ затрудняетъ переправу. Красивая Аму, превратилась въ страшную, безобразную массу желтоватаго цвѣта; подгоняемые вѣтромъ волны высоко поднимаются и бушуютъ. Несносный вѣтеръ не покидаетъ насъ и пробуждаетъ въ памяти злѣйшія воспоминанія о безводныхъ,

песчаныхъ пространствахъ, гдѣ онъ насъ такъ сильно дожималъ. Наша позиція, какъ я выше сказалъ, находится какъ бы въ квадратной песчаной котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ песчаными возвышенностями, такъ что при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, песокъ съ этихъ возвышенностей совершенно засыпаетъ насъ.

Полковникъ Веймарнъ, часовъ въ девять, прибылъ къ переправѣ со своими ротами, что даетъ надежду на скорое наше движеніе впередъ.

22-е мая. Бивакъ на берегу Аму-дары. Сегодня цѣлый день происходила у насъ суматоха, послужившая хоть нѣкоторымъ развѣченіемъ въ нашемъ скучномъ положеніи.

Жители кышлаковъ, расположенныхъ въ садахъ, верстахъ въ двухъ отъ нашего бивака, по примѣру прежнихъ дней, съ утра стали собираться къ намъ въ лагерь съ разными жизненными припасами на продажу. Какъ вдругъ все переполошилось: прѣхалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что дыналъ-бегі (хивинскій военный начальникъ) грабитъ кышляки за то, что жители стали бѣжать къ русскимъ и подвозить имъ припасы. Получивъ это извѣстіе, командующій войсками тотчасъ же отправилъ на фуражировку двѣ роты съ двумя горными орудіями и нѣсколько казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Чайковского, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ взять всѣхъ офицерскихъ людей для добычи фуража. Для надзора за правильностью фуражированія и для распредѣленія по участкамъ были назначены изъ полевого штаба два офицера.

По уходѣ этого отряда и по прошествіи нѣкотораго времени, стали слышаться издали ружейные выстрѣлы, но, не смотря на внимательное наблюденіе въ бинокль, съ ближайшихъ возвышенностей рассмотреть ничего было нельзя; вѣтвяныя деревья садовъ мѣшали обозрѣнію.

Вскорѣ прискакалъ казакъ отъ подполковника Чайковского, съ докладомъ, что высланный отрядъ, прогнавъ непріятеля (туркменъ), находится не въ дальнемъ разстояніи отъ укрѣпленнаго города Хазаръ-аспа; вмѣстѣ съ тѣмъ, подполковникъ Чайковскій доноситъ, что одинъ изъ ротныхъ командировъ довольно тяжело раненъ пулею, а одинъ солдатъ раненъ холоднымъ оружіемъ. Генералъ Кауфманъ приказалъ послать къ подполковнику Чайковскому еще двѣ роты, съ которыми отправились и Ихъ Высочества. Командующій войсками, не имѣя положительныхъ свѣдѣній о состояніи города и крѣпости Хазаръ-аспа, не имѣя достаточнаго количества перевозочныхъ средствъ, и не окончивъ еще переправы, рѣшился тотчасъ же двинуться къ

Хазарь-аспу. Посланные войска разсѣли хивинскія партіи и довольно рано вернулись въ лагерь.

Вѣроятно, вслѣдствіе этой рекогносцировки, вечеромъ вышелъ приказъ, на основаніи котораго, въ три часа утра, весь отрядъ, кромѣ двухъ линейныхъ ротъ, остающихся на позиціи для охраненія вещей и для наблюденія за переправой, долженъ былъ выступить для занятія города и крѣпости Хазарь-аспа. Солдатамъ приказано имѣть съ собою въ мѣшкахъ (замѣняющихъ ранцы), сухари и только то, что можетъ быть имъ временно необходимо, такъ какъ, по занятіи Хазарь-аспа, вся мѣстность отъ берега Аму будетъ очищена отъ непріятели и тяжести отряда могутъ быть доставлены къ Хазарь-аспу, разстояніе до котораго считалось не болѣе 14 верстъ.

23-го мая. *Бивакъ въ садахъ, близъ Хазарь-аспа.* Не смотря на то, что сегодня, рано утромъ, предстояло двинуться къ Хазарь-аспу, лагерь, а вмѣстѣ съ нимъ и мы успокоились съ вечера въ двѣнадцать часовъ. Въ три часа ударили подъемъ; заваренный чай брошенъ и мы съ Каульбарсомъ сѣли на коней и пустились догонять командующаго войсками, уже уѣхавшаго къ авангарду. Нагнавъ авангардъ и пройдя около двухъ верстъ отъ позиціи по песчанымъ оврагамъ и буеракамъ, мы вступили въ сады, ведущіе къ Хазарь-аспу и тянущіеся вплоть до Хивы.

Мѣстность эта, въ особенности, послѣ пройденной пустыни, показалась намъ раемъ и поражала непривычный глазъ разнообразіемъ и богатствомъ флоры. Жаль только, что мы разстались съ величественной Аму и не видимъ другой воды, кромѣ воды въ арънахъ, которые пересѣкаютъ всю мѣстность по разнымъ направленіямъ; такъ будетъ, говорятъ, до самой Хивы, которая также не имѣетъ рѣки.

Предмѣстная мѣстность, на которую мы вступили, похожа на живописный паркъ, тянущійся на 50 верстъ. Повсюду виднѣются разбросанныя въ какомъ-то дѣлѣющемъ глазъ безпорядкѣ, огромныя пышныя деревья, представляющіе собою видъ громаднаго гриба; около нихъ почти всегда стоятъ, такъ называемые, курганы, или дома, обнесенные заборомъ, въ родѣ нашихъ барскихъ дачъ, построенные изъ весьма плотно убитой глины, представляющей извѣстное сопротивленіе даже артиллерійскимъ снарядамъ; всѣ дома какъ будто оштукатурены и имѣютъ чрезвычайно красивый видъ. Величественный грибъ, своей огромной шапкой, большую часть покрываетъ тѣнью весь домъ и дворъ. По всему парку разбросаны обыкновенныя деревья и кустарники съ зеленоющею листвою; тамъ и сямъ виднѣются поля клевера, пшеницы и другихъ хлѣбныхъ, засѣянныхъ

отдѣльными квадратиками, вѣроятно, сообразно хозяйству каждаго владѣльца кургана; все это пересѣкается по всѣмъ направленіямъ арънами, или канавами, наполненными водою; у каждаго дома, кромѣ того, имѣются колоды съ хорошей водой. Прямая, не очень широкая дорога, какъ бы пересѣкающая весь паркъ пополамъ, тянется къ Хазарь-аспу и далѣе въ Хиву; отъ нея въ стороны отдѣляются нескончаемое число боковыхъ дорожекъ, тянувшихся къ каждому кургану. Всѣ эти дороги пересѣкаются тоже канавами, черезъ которыя устроены мостики.

Не зная опредѣлительно разстоянія до Хазарь-аспа, мы шли въ совершенной неизвѣстности часа три; только вслѣдствіи, благодаря сѣмкѣ, постоянно производившейся во время марша и даже во время дѣла, мы узнали, что онъ отстоитъ отъ берега Аму на 14 верстъ. Мѣстность вообще, и въ особенности высокія деревья препятствовали ориентированію, такъ что мы почти наткнулись на выросшія передъ нашими глазами, высокія крѣпостныя стѣны съ башнями. Генералъ Головачевъ остановилъ авангардъ, подтянулъ войска, и, усматривая на стѣнахъ народъ, съ минуты на минуту ожидавъ выстрѣла. Но замѣтивъ мирное настроеніе жителей, генералъ Головачевъ двинулъ войска къ воротамъ, вошелъ въ крѣпость, занялъ ее, взялъ семь орудій, въ ней находившихся (три изъ нихъ похожи на картечницы), и послалъ поздравить командующаго войсками съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла.

Въ азіатскихъ городахъ крѣпость и городъ составляютъ одно неразрывное цѣлое. Хазарь-аспъ — большая крѣпость съ высокими стѣнами, окруженная со всѣхъ сторонъ озеромъ и примыкающая къ садамъ, составляющимъ отличительную черту этой мѣстности. Крѣпость выстроена, какъ и всѣ здѣшнія постройки, изъ глины, но, не смотря на высоту и прочность стѣнъ, была оставлена хивинскими войсками сегодня утромъ, до прихода нашихъ войскъ. Командующій войсками и вся главная квартира въѣхали въ городъ и расположились въ цитадели; войска стали кругомъ крѣпости. Жители Хазарь-аспа и торгующій народъ тотчасъ явились съ изъявленіемъ покорности къ командующему войсками, который приказалъ имъ объявить, чтобы они оставались на своихъ мѣстахъ, въ лавкахъ и на базарѣ, и что никому не будетъ сдѣлано никакого вреда. Часа два спустя, массы жителей обоего пола стали стекаться въ городъ, и не только городскіе жители, но и деревенскіе обитатели кышлаковъ, которые при нашемъ прохожденіи были совершенно пусты.

Командующій войсками сдѣлалъ распоряженіе оставить въ Ха-

зарь-аспъ три роты и два горныхъ орудія. Прибывшій къ отряду и выздоровѣвшій отъ полученныхъ ранъ, полковникъ Ивановъ, назначенъ завѣдующимъ населеніемъ; а подполковникъ Привѣжъ комендантомъ крѣпости. Послѣднему приказано было тотчасъ же собрать надлежащіе свѣдѣнія и привести въ извѣстность все находящееся въ крѣпости и городѣ. Тѣмъ временемъ войска, поджидая транспорта съ Аму-дарьи, оставались на отдыхѣ.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, въ Хазарь-аспъ найдено значительное количество пороха, снаряда и семь орудій, о которыхъ сказано выше, нѣсколько десятковъ палатокъ, значительные запасы риса, ячменя и джугары и, наконецъ, четырехмѣстная карета, стараго фасона, на высокихъ ресорахъ.

Когда все въ городѣ и крѣпости было приведено въ извѣстность, командующій войсками, начальникъ отряда, главная квартира и всѣ войска, кромѣ тѣхъ, которые были оставлены въ Хазарь-аспъ, под начальствомъ коменданта, отошли назадъ и, расположившись на половинѣ пути до Аму, на весьма удобномъ бивакѣ, стали выжидать прибытія транспорта съ оставленными вещами, который и прибылъ въ восьмомъ часу.

Въ этотъ день, ни въ кышлакахъ (деревня), ни въ курганчахъ (домъ), не видно было ни одного жителя. Старшіе начальники и многие офицеры расположились въ курганчахъ или около нихъ. Мы съ барономъ Каульбарсомъ приказали поставить нашу палатку подлѣ одного изъ арыковъ, подъ густою тѣнью большаго дерева, вполнѣ защищавшаго насъ отъ солнечныхъ лучей.

Кратковременная стоянка наша въ садахъ оживляла духъ и радовала сердце, наполняя его воспоминаніями о далекой родинѣ... Преклестная природа, благотворный воздухъ, веселое щебетанье давно неслышанныхъ птичекъ, громкій свистъ соловья, все окружало насъ жизнью, какъ бы въ награду за тяжелое странствіе по мертвой пустыни.

Впрочемъ, печальная вѣсть омрачила этотъ день. Неожиданно разнеслось извѣстіе, что командиръ 2-го стрѣлковаго баталіона полковникъ Веймарнъ былъ занесенъ лошадыю, которая, при паденіи, ударила съ нимъ объ уголъ каменнаго забора и переломила ему всѣ ребра. Въ страшныхъ страданіяхъ перенесенъ былъ Веймарнъ въ лагерь и безъ малѣйшей надежды на спасеніе жизни.

24-го мая. Сады подъ Хазарь-аспомъ. Полковникъ Веймарнъ скончался послѣ тяжкихъ страданій.

Веймарнъ былъ очень хорошій человѣкъ и отличный офицеръ,

держалъ въ необыкновенномъ порядкѣ свой баталіонъ, считающійся здѣсь однимъ изъ лучшихъ. Веймарну, однако, какъ говорится, не везло: онъ участвовалъ въ самаркандской экспедиціи, но въ дѣло понасть не успѣлъ; въ настоящемъ походѣ онъ всей душою желалъ находиться въ числѣ авангардныхъ войскъ, но обстоятельства такъ сложились, что, находившись временно въ арьергардѣ, онъ вынужденъ былъ оставаться на Халъ-ата, въ то время, когда намъ предстояли дѣла. Когда мы перешли Аму, онъ насъ догналъ, превосходно привелъ ввѣренную ему часть, съ порученнымъ ему транспортомъ провіанта, и попалъ, наконецъ, въ авангардъ генерала Головачева; но въ это время дѣла не было. По возвращеніи на настоящую позицію, какъ старый и заботливый офицеръ (онъ прослужилъ тридцать пять лѣтъ), онъ лично хотѣлъ озаботиться скорѣйшею перевозкою имущества нижнихъ чиновъ своей части, не отдыхая, перемѣнилъ лошадь и встрѣтилъ злую смерть. Завтра мы отдадимъ послѣдній долгъ павшему товарищу.

Послѣ полудня, первоначально по одному, потомъ цѣлою кучею, начали хивинцы сходиться къ нашему лагерю; оказалось, что это хозяева тѣхъ курганчей, которые, при занятіи нами позиціи, вошли въ районъ лагеря. Командующій войсками первый, а за нимъ всѣ офицеры, которые размѣстились въ курганчахъ, уступили хивинцамъ ихъ дома и, въ настоящую минуту, они живутъ среди насъ.

25-го и 26-го мая. Тамъ же. Весь этотъ день прошелъ въ передвиженіи войскъ, оставшихся за Аму, и въ приготовленіи къ дальнѣйшему походу на Хиву. Начальникъ населенія въ Хазарь-аспъ, полковникъ Ивановъ, сдѣлалъ распоряженіе о наймѣ трехсотъ арбъ съ лошадьми и проводниками, которыхъ и прислалъ на позицію. Арбной обозъ значительно усиливъ наши перевозочныя средства, состоявшія изъ однихъ верблюдовъ, такъ что, при дальнѣйшемъ движеніи, мы ни въ чемъ не будемъ имѣть недостатка.

27-е мая. Сады, въ пятинадцати верстахъ отъ прежней стоянки. Въ четыре часа утра мы выступили съ позиціи и слѣдовали прямымъ путемъ по направленію къ Хивѣ. Дорога была пересѣкаема множествомъ арыковъ, на которыхъ вездѣ находились мосты. Если бы хивинцы вздумали не только сломать, но просто испортить эти мосты, то надѣлали бы намъ много хлопотъ и надолго бы отсрочили наше вступленіе въ Хиву.

Придя сегодня вторично въ Хазарь-аспъ, потому что мы его миновать не могли, и при томъ должны были захватить съ собою остав-

ленные въ немъ роты и артилерію, мы остановились на привалѣ. Найденный въ Хазаръ-аспѣ пороховъ былъ пополненъ, непріятельскія орудія ихъ мы захватили съ отрядомъ, а картечницы, или лучше сказать, подобіе ихъ, были уничтожены. Въ Хазаръ-аспѣ мы получили, наконецъ, положительныя свѣдѣнія, что до Хивы остается еще шестьдесятъ верстъ. Тутъ же вторично явился къ командующему войсками, тотъ самый старикъ хивинецъ, который за переходъ, или за два до занятія нами Хазаръ-аспа, прѣѣзжалъ отъ хана, съ тѣмъ, чтобы немного запугать насъ; такъ, онъ утверждалъ, что въ Хазаръ-аспѣ находятся ханскія войска и орудія, и что диванъ-беги строго приказано, ни въ какомъ случаѣ, не оставлять крѣпости, а защищать ее до послѣдней крайности. Оказалось, что это не болѣе, какъ выдумка. Теперь онъ привезъ отъ хана письмо, въ которомъ послѣдній пишетъ, что онъ крайне удивленъ слухами о дальнѣйшемъ движеніи русскихъ на Хиву, потому что онъ сдѣлалъ, кажется, для нихъ все, что только могъ, даже прислалъ въ Казалинскъ пѣхннхъ, которые у него содержались; письмо заканчивалось просьбой приостановить движеніе и обѣщаніемъ окончательно укрѣпить дружескія съ нами сношенія. На это письмо, командующій войсками приказалъ словесно передать посланному, что онъ съ ханомъ переговоритъ объ этомъ завтра, въ Хивѣ. Послѣ того, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ сиромилъ посланнаго о другомъ нашемъ отрядѣ (Оренбургскомъ), и извѣстно ли хивинцамъ, гдѣ онъ находится. Посланный отвѣчалъ, что мѣсто нахожденія отряда извѣстно, что къ его начальнику былъ также отправленъ посланецъ, котораго направили къ генералу фонъ-Кауфману.

При дальнѣйшемъ свѣдованіи изъ Хазаръ-аспа, многіе жители кышлаковъ останавливали командующаго войсками, подносили ему хлѣбъ-соль и, изъявляя свою покорность, просили покровительства. Въ этотъ день мы сдѣлали переходъ въ пятнадцатъ верстъ и стали на ночлегъ. Только сорокъ пять верстъ до Хивы...

28-е мая. Сады по дорогѣ къ Хивѣ. Въ четыре часа утра отрядъ бодро поднялся съ ночлега и, въ надеждѣ скоро достигнуть давно ожидаемой Хивы, легко сдѣлалъ тяжелый 30-верстный переходъ, при сильной жарѣ и страшной пыли. На половинѣ пути былъ данъ четырехчасовой привалъ; къ ночлегу мы прибыли въ пять часовъ по полудни.

Не успѣли мы расположиться на нашей позиціи, всего въ 16 верстахъ отъ Хивы, какъ наши надежды и желанія, какъ было получено извѣстіе, что хивинцы не желаютъ драться и сдаютъ Хиву.

Увы! исчезли надежды на штурмъ и взятіе Хивы съ боя, что немало сокрушило всѣхъ. Войска искали боя, забывая кровавыя потери, безъ которыхъ не обошлось бы....

Прежній посланецъ-хивинецъ привезъ письмо отъ хана, въ которомъ послѣдній уже не хитрилъ болѣе, и просилъ прямо не проливать напрасно крови, соглашался на всѣ условія, которыя ему будутъ предложены, и безъ боя сдавалъ намъ Хиву.

Командующій войсками письменно сообщилъ хану, что завтра онъ выступаетъ къ Хивѣ, приглашалъ его выѣхать къ нему на встрѣчу для переговоровъ и дозволилъ ему взять съ собою свиту не болѣе 100 человекъ.

Старикъ-хивинецъ, принимая письмо, спѣшилъ сообщить командующему войсками свое безпокойство относительно Оренбургскаго отряда, который, какъ ему извѣстно, атакуетъ городъ, что хивинцы несутъ потери и двое ихъ батырей убиты. Тогда генералъ Кауфманъ тутъ же написалъ начальнику Оренбургскаго отряда о присланномъ къ нему письмѣ хана, о предлагаемой сдачѣ Хивы, и приказывалъ прекратить военныя дѣйствія противъ города. Это письмо, предназначенное старику-хивинцу, было тотчасъ же отправлено съ однимъ изъ хивинскихъ джигитовъ въ Оренбургскій отрядъ.

Вскорѣ послѣ отбѣзда посланца получено было донесеніе отъ генерала Веревкина о дѣлѣ 28-го мая, въ которомъ потеря наша состояла изъ 40 человекъ пѣхннхъ чиповъ. (4 убиты, остальные ранены); кромѣ того, ранены два штабъ-офицера, шесть оберъ-офицеровъ и самъ начальникъ отряда. Въ этомъ же донесеніи было упомянуто, что у самыхъ стѣнъ города ротами Апшеронскаго и Ширванскаго полковъ захвачены два непріятельскія орудія.

Какъ только разнеслись слухи о полученіи изъ оренбургскаго отряда донесенія, у насъ пошли толки и догадки, съ цѣлью разъяснить себѣ смыслъ совершившихся событій; зная, съ одной стороны, что ханъ проситъ пощады, а съ другой, получивъ извѣстіе, что подъ стѣнами Хивы было серьезное дѣло, многіе недоумѣвали и не могли разрѣшить этого противорѣчія, удовольствовавшись въ заключеніе поговоркою: «утро вечера мудренѣе».

29-е мая. Во дворѣ хана и на бивакѣ подъ стѣнами Хивы. Съ особеннымъ чувствомъ нетерпѣнія и любопытства труппились мы, 29-го мая въ пять часовъ утра, къ Хивѣ, интересуясь увидѣть хивинскаго владыку и завѣтный городъ, къ экспедиціи, которая намъ стоила такихъ трудовъ и лишений....

Пройдя, примѣрно, около половины пути, мы замѣтили впереди,
Т. LXIII. Отд. I.

по дорогѣ, пылъ и потомъ неясныя очертанія цѣлой толпы всадниковъ, съ офицерами впереди. То былъ состоящій при начальникѣ отряда, генералъ Головачевъ, поручикъ Бектуринъ, за которымъ двигалась цѣлая кавалькада хивинцевъ, на великолѣпныхъ жеребцахъ, убранныхъ богатою сбруею, съ щегольскими азиатскими сѣдлами и чепранными.

Командующій войсками остановился въ ожиданіи ихъ приближенія. Въ первую минуту мы были увѣрены, что это самъ хивинскій ханъ, но вскорѣ разочаровались, потому что оказалось, что это были дядя и братъ хана, со свитою; послѣдній—молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати.

На вопросъ командующаго войсками: гдѣ же ханъ? ему отвѣчали, что ханъ сегодня, рано утромъ, выѣхалъ изъ Хивы и что, по всей вѣроятности, онъ бѣжалъ.... Командующій войсками повернулъ лошадей, отъѣхалъ нѣсколько шаговъ въ сторону и расположился на походномъ стулѣ, подѣ тѣнью большаго карагача. Приѣхавшіе хивинцы посадовали за нимъ и, сойдя съ лошадей, въ живописной группѣ расѣлись противъ него, поджавъ ноги по азиатскому обычаю. Свита генерала Кауфмана, спѣшившись, окружила своего начальника; мнѣ пришлось стоять подѣ начальника полевого штаба, недалеко отъ командующаго войсками и вблизи сидѣвшаго брата хана.

Разговоръ начался съ разъясненія страннаго поступка хана. Дядя хана говорилъ, что ханъ, не давъ какъ еще вчера, быть на сторонѣ партіи мира, но что, по всей вѣроятности, партія воинственныхъ юмудовъ успѣла его увлечь съ собою. Все это говорилось такимъ тономъ и въ томъ смыслѣ, что поступокъ хана для нихъ самихъ оскорбителенъ, что это сдѣлано вопреки желанію народа и что, послѣ такого поступка, они не желали бы болѣе имѣть его своимъ ханомъ. Эти послѣдніе слова были подтверждены одновременно почти всей сидящей толпою хивинцевъ.

Тогда командующій войсками обратился къ молодому человѣку, брату хана, и спросилъ его, не знаетъ ли онъ настоящей причины бѣгства хана. Братъ хана отвѣчалъ, что ему ничего неизвѣстно, потому что онъ самъ послѣднее время содержался подѣ карауломъ, и что только послѣ бѣгства хана освобожденъ народомъ.

Командующій войсками приказалъ передать дядѣ хана, чтобы онъ тотчасъ написалъ своему племяннику, что начальникъ русскихъ войскъ весьма огорченъ его бѣгствомъ, приписываетъ это совѣтамъ неблагонамѣренныхъ людей и приглашаетъ его немедленно возвра-

титься; въ противномъ случаѣ, вѣсто него будетъ назначенъ ханомъ другой.

На этомъ кончилась аудіенція, и, въ то же время, подѣѣхалъ отѣтый въ полную парадную форму, полковникъ Глуховской, состоящій при оренбургскомъ отрядѣ. Отрапортовалъ о благополучномъ состояніи оренбургскаго отряда, полковникъ доложилъ, что отрядъ выстроенъ неподалеку и ожидаетъ прибытія его превосходительства.

Командующій войсками, начальникъ отряда генералъ Головачевъ, вся главная квартира, козвой и присланные изъ города хивинцы поѣхали къ оренбургскому отряду. Проѣхавъ версты три, мы усмотрѣли выстроенную пѣхоту, артилерію и кавалерію оренбургскаго отряда; въ числѣ послѣдней была сотня суиженскихъ казаковъ и сотня мусульманъ.

Раздалось повелительное «на карау!» и полный хоръ музыки Апшеронскаго полка заигралъ встрѣчу. Начальникъ оренбургскаго отряда, генералъ Веревикинъ, вслѣдствіе полученной имъ накануне раны, не могъ представить соединенныхъ Оренбургскаго и Мангышлакскаго отрядовъ, почему мѣсто его заступилъ полковникъ Саранчевъ, который и рапортовалъ командующему войсками о состояніи войскъ.

Всѣ, начиная съ начальства, офицеры и нижніе чины, щеголевато одѣтые въ мундиры, были въ полной парадной формѣ; даже прусскій гусарскій поручикъ былъ въ парадной гусарской формѣ.

Въ глубинѣ средней Азіи, близъ хивинскихъ стѣнъ, на красивой полянѣ, среди природою посаженныхъ садовъ, встрѣтить соотечественниковъ и братьевъ по оружію—это такое ощущеніе, которое не подѣ силу моему слабому перу....

Мы, только что выравніеся съ Адамъ-крылгана и съ другихъ «кудуюловъ», должны были представлять большой контрастъ съ щеголями-оренбуржцами. Начиная съ начальническаго кителя и до послѣдней гимнастической рубашки солдата, все было прожжено сорокаградусной жарой, засыпано пескомъ и пылью.

На привѣтствіе командующаго войсками: «здорово, молодцы!» послѣдовало единодушное громкое «ура» этихъ, дѣйствительно, молодецкихъ войскъ. Засимъ, генералъ Кауфманъ, махнувъ музыкантамъ, благодарилъ каждую часть войскъ особо за молодецкую и честную службу своему Государю. Послѣ осмотра, командующій войсками пригласилъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ Оренбургскаго и Кавказскаго отрядовъ и усердно благодарилъ ихъ за службу.

Во время продолжительнаго отдыха, который данъ былъ вой-

скамь, офицеры Оренбургскаго отряда успѣли переодѣться въ кителя, какъ и мы, и перемѣшались съ нашими. Нашлось много знакомыхъ, пошли толки, рассказы, задушевные встрѣчи. Лагерь представлялъ весьма оживленную картину; офицеры и солдаты, разбредясь, въ тѣни громадныхъ деревьевъ, пили чай и закускивали. Командующій войсками, Ихъ Высочества и главная квартира разиѣстились особою группою. Хивинцы прѣзжали и уѣзжали, сновали тамъ и сямъ, подходили къ командиру войсками и къ другимъ начальникамъ и, казалось, вели оживленные переговоры. Я видѣлъ, какъ подвели командиру войсками подаренную ему лошадь подъ богатымъ чепрекомъ.

Наконецъ, прѣхавшій изъ Хивы диванъ-бегі, тотъ самый, который дѣйствовалъ противъ насъ на Учъ-чучакъ и при переправѣ чрезъ Аму, подошелъ къ командиру войсками и, вслѣдъ затѣмъ, указалъ опять въ городъ. Ему приказано было снять всѣ пушки съ хивинскихъ стѣнъ и приготовить все для вступленія нашихъ войскъ.

Скорѣ, отрядъ, имѣя въ головѣ саперовъ, направился къ городу.

Вотъ, наконецъ, изъ облаковъ пыли показались стѣны Хивы, ея башни и ворота. Общее впечатлѣніе, произведенное городомъ, было весьма оригинально. Высокія башни, минареты мечетей, медресе и проч., поражая непривычный глазъ своею необычною постройкою, казались весьма красивыми. На улицахъ и перекресткахъ стояли наши молодёжнія войска, счастливыя сознаніемъ исполненнаго долга и достигнутой цѣли. Музыка играла встрѣчу и громкое, единодушное «ура» потрясало высокія стѣны чужеземнаго города...

Вниманіе мое было обращено на массу хивинскаго народа, тѣснивагося на улицахъ города. Лица ихъ на меня никакого особеннаго впечатлѣнія не сдѣлали и ничего особеннаго не выражали. Толпы хивинцевъ въ высокихъ бараньихъ шапкахъ, съ загорѣлыми бронзовыми лицами въ халатахъ, и съ какою-то тупою апатіею на лицѣ, окружали войска и видѣлись на перекресткахъ. Длинные, узкія, немощенныя улицы, покрытыя пылью, общающу глубокую грязь въ дождливое время. Дома хивинцевъ по азіатскому обычаю, и по русской поговоркѣ, построенны «шиворотъ», на выворотъ»,—окнами во внутрь, а то и совсѣмъ безъ оконъ. Одни только мечети и медресе (народныя училища) имѣютъ видъ зданій, построенныхъ на азіатскій манеръ, но не безъ вкуса.

Двигаясь по направленію къ цитадели, мы вступили на довольно

просторную квадратную площадь, на которую выходили: ханскій дворецъ, мечеть и лавки. На площади была расположена наша пѣхота съ дивизиономъ конной артиллеріи; остальное пространство занимали толпы народа. При появленіи командующаго войсками, вновь раздалось громкое «ура» и хивинцы сняли свои высокія шапки. Командующій войсками привѣтствовалъ и поздравлялъ войска, и обратился съ краткою и успокоивающею рѣчью къ народу. Вслѣдъ затѣмъ, всѣ лица главной квартиры, съ командующимъ войсками во главѣ, вѣзжали черезъ ворота, на небольшой передній дворъ, сошли съ лошадей и, чрезъ узкіе сводчатые коридоры, вышли на другой, болѣе обширный дворъ, обнесенный двумя рядами стѣнъ, изъ которыхъ наружныя были весьма высоки и имѣли по угламъ башни. Осмотрѣвъ дворъ, и поднявшись на нѣсколько ступеней, мы вошли на прекрасную терасу, подпертую красивыми колонами. На этой терасѣ мы замѣтили нѣсколько запертыхъ дверей, ведущихъ въ покои хана и его семейства. Командующій войсками, предупредивъ, что семейство хана находится во дворцѣ, не вошелъ ни въ одинъ изъ покоевъ, но перешелъ на терасу, гдѣ, на расстланныхъ коврахъ, расположились лица главной квартиры, а также сопровождавшіе насъ почетные хивинцы.

Обширная тераса и дворы ханскаго дворца вдругъ чрезвычайно оживились; по приказанію командующаго войсками, явилась музыка; группы офицеровъ, любопытствуя посмотрѣть на резиденцію хивинскаго владыки, появились на дворахъ. Между тѣмъ, командующій войсками велъ переговоры съ хивинцами, съ цѣлью уяснить себѣ положеніе дѣлъ въ ханствѣ, выслушивалъ доносенія начальника отряда генерала Головачева, успѣвшего собрать необходимыхъ свѣдѣнія, и разсматривалъ приносимое ему оружіе и другіе предметы, найденные во дворцѣ.

При входѣ во дворецъ поставленъ былъ караулъ изъ взвода саперовъ, а на самую высокую изъ угловыхъ башенъ временно поставленъ часовой, который былъ видѣнъ всѣмъ городомъ и, въ свою очередь, могъ видѣть все пространство, окружающее Хиву, болѣе чѣмъ на десять верстъ.

Часу въ пятомъ пополудни, командующій войсками сошелъ съ терасы, приказавъ главной квартирѣ возвратиться въ лагерь, а самъ, съ начальникомъ штаба и адъютантами, отправился навѣстить раненаго генерала Верекина.

Генералъ Головачевъ занялъ частію войскъ дворецъ, и, кромѣ того, разставилъ караулы въ разныхъ частяхъ города; остальные

войска были отведены версты на полторы отъ города и стали лагеремъ въ великолѣпномъ паркѣ, окружающемъ Хиву.

Часовъ въ семь вечера, я былъ въ своей палаткѣ, поставленной подъ тѣнью великолѣпнаго дерева, заключилъ свой дневникъ, и поспѣшилъ отправить его въ Петербургъ съ отъѣзжающимъ курьеромъ.

Мнѣ хотѣлось подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, не попоная, даже не исправляя своей рукописи, передать тѣ событія, которыхъ я былъ случайнымъ свидѣтелемъ, и которымъ суждено занять почетную страницу въ исторіи русскихъ войскъ. Нѣтъ сомнѣнія, что хивинскій походъ будетъ описанъ перомъ болѣе опытнымъ, обставленъ необходимыми данными и подробностями мнѣ неизвѣстными, тѣмъ не менѣе, я полагаю, что простое и безхитростное описаніе изодня въ день того, что я испыталъ самъ, или что могъ замѣтить въ тѣсной рамкѣ своей дѣятельности, будетъ не бесполезно, какъ показаніе очевидца и показаніе вполнѣ правдивое.

Наконецъ, я не могъ удержаться, чтобы не огласить въ печати тѣхъ невообразимыхъ тягостей и лишеній, которыя въ теченіе этого безпримѣрнаго похода вынесъ на своихъ плечахъ нашъ солдатъ. Вотъ причины, которыя заставили меня взяться за перо; вотъ мои оправданія передъ строгимъ судомъ критики.

Полковникъ Колокольцовъ.

29-го мая 1873 года
Лагерь подъ стѣнами Хивы.

ТУРКЕСТАНСКІЕ ПОХОДЫ.

(Наброски отъпика). (*)

IV.

ВЪ БОЮ.

Вотъ уже другой день, какъ поговариваютъ тихонько о томъ, что, пожалуй, и въ походъ двинуть. Но слухи неопредѣленны, сбивчивы. Всѣ еще ничего не знаютъ, но, что называется, въ воздухѣ пахнетъ порохомъ.

Между солдатами замѣтно особенное нетерпѣливое движеніе. Разговоры слишкомъ часты и ведутся иногда очень ужъ опредѣленно, хотя перѣдко свѣдѣнія являются Богъ знаетъ откуда.

— Изъ нашего баталіона, сказываютъ, три роты пойдутъ, объясняетъ одинъ солдатъ другимъ, сидящимъ на остаткахъ разрушеннаго глинянаго забора, да три роты изъ пятаго.

— Стало быть, стрѣлковая рота пойдеть, девятая, да наша.

— Нашъ ужъ не пропуститъ, непременно пойдеть, ободряютъ себя солдатики.

— Ничего еще этого неизвѣстно, замѣчаетъ унтеръ, раскуривая трубку: давеча господи офицеры разговоръ вели, такъ нѣтъ еще приказанья, что даже можетъ похода вовсе не будетъ.

— Конечно, что который можетъ такъ зря сбrehнуть, а тутъ и подхватили: походъ, да походъ.

— На кого-жъ теперь идти? спрашиваетъ мало знакомый съ политикой солдатикъ: развѣ ханъ опять сбунтовался?

— На самозванца пойдутъ, рѣшительно отвѣчаетъ одинъ изъ политиковъ: ханъ теперь мирный, а самозванецъ все бунтуетъ, такъ его усмирять и пойдутъ.

(*) См. «Военный Сборникъ» 1873 г. №№ 3, 4, 5 и 7.